ВОЗРОЖДАЯ ТРАДИЦИИ: портретные куклы Алеут и Алеутка

Наталья ТАТАРЕНКОВА

ВОЗРОЖДАЯ ТРАДИЦИИ: портретные куклы Алеут и Алеутка

Петропавловск-Камчатский
«Камчатпресс»
2020

УДК 391.1+2
ББК 63.5(2Р55)л6
Та12

12+

Татаренкова Наталья

Та12 Возрождая традиции: портретные куклы Алеут и Алеутка. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. – 96 с. : ил.

ISBN 978-5-9610-0376-5

Автор издания – руководитель отдела сохранения историко-культурного наследия Командорского природного биосферного заповедника (Камчатский край), продолжая исследования и пропаганду культурных традиций и образа жизни малочисленного северного народа – алеутов, описывает историю создания кукол Алеут и Алеутка для задуманной композиции «Алеуты Командорских островов».

Адресовано школьникам, студентам, преподавателям, краеведам, ученым-этнографам.

УДК 391.1+2
ББК 63.5(2Р55)л6

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ БИОСФЕРНЫЙ
ЗАПОВЕДНИК
КОМАНДОРСКИЙ
ИМЕНИ С.В. МАРАКОВА

ISBN 978-5-9610-0376-5

© Татаренкова Н. А., 2020

Моей доброй наставнице
Вере Терентьевне Тимошенко
посвящается

ВСТУПЛЕНИЕ

Заповедник «Командорский» был создан с целью сохранения уникальных природных комплексов Командорского архипелага. В то же время одной из основных задач организации является поддержание культурных традиций командорских алеутов – коренного малочисленного народа Севера. В связи с этим был создан отдел сохранения историко-культурного наследия, призванный изучать историю региона, этнические особенности народонаселения и формы традиционного природопользования.

История освоения островов насчитывает без малого 280 лет. За это время утекло немало воды. Интенсивная добыча и изменения климата привели к вымиранию морской коровы и очкового баклана. Численность северного морского котика сильно сократилась, а основные промысловые виды – калан, сивуч, антур, медновский подвид голубого песца – были занесены в Красную книгу. Многое изменилось и многое стало забываться: процесс заселения, способы охоты, одежда, быт и даже сказания. И это не удивительно, ведь условия жизни XIX в. совсем не похожи на современные. Но история и культурные традиции – это наше достояние, мы не имеем права их утратить.

Идея создать композицию «Алеуты Командорских островов» витала в воздухе давно. Посредством кукол хотелось показать облик и особенности жизни командорцев далекого прошлого. К воплощению приступили в 2019 г. Для реализации задуманного заповедник обратился к замечательному пермско-

Рис 1. Алеут и Алеутка

му художнику авторской куклы Е. В. Шардаковой. Со стороны заказчика проект курировала начальник отдела сохранения историко-культурного наследия Н. А. Татаренкова.

В конце года было составлено предварительное техническое задание. Через несколько месяцев приступили к непосредственному исполнению. Вместе со всеми согласованиями работа заняла чуть менее трех месяцев – с февраля по май 2020 г. Дистанционное взаимодействие оказалось приятным и плодотворным.

КРАТКО О ЗАСЕЛЕНИИ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

«Командорскими алеутами» принято называть сложную в этническом отношении малочисленную народность Севера, сформировавшуюся к концу XIX в. на территории изолированного Командорского архипелага.

До 1741 г. острова были необитаемы. Официально их открыли и нанесли на карту члены морского отряда Второй Камчатской экспедиции. Однако в 1991 г. во время археологических раскопок в бухте Командор (о. Беринга) были обнаружены предметы неолитической стоянки возрастом около 504 ± 97 лет[1]. Вероятнее всего, этот след оставил кто-то из аборигенов Камчатки. О наличии незаселенной суши жителям полуострова было известно задолго до прихода европейцев[2]. Каждую весну охотники полуострова наблюдали одну и ту же картину: со стороны Курильских островов на сéвер плыли огромные «табуны» северных морских котиков. Почти половину из них составляли беременные самки со сформировавшимся плодом. На широте Кроноцкого мыса звери поворачивали на восток. Осенью самки, молодняк и исхудавшие самцы двигались в обратном направлении. На камчатский берег, за редким исключением, котики не выходили. Детеныши появлялись на свет в другом месте, следовательно, в относительной близости должна была находить-

[1] Stanyukovich, Chernosvitov, 1994.
[2] Steller, 2005, p. 50.

ся крупная суша – остров или даже материк. Этих берегов можно было достичь, достаточно проследовать за зверем. Вероятно, кто-то на это отваживался. Но путь в 200 км долог и рискован, еще сложнее дорога обратно. Поэтому к началу XVIII в. бытовали лишь слухи об огромном острове: *«что против устья реки Камчатки земле быть должно; для того, что завсегда там казалось мрачно, каково б впрочем около горизонта ясно ни было»*[3].

Инициатором первого промыслового похода в эти края был сибирский казак Емельян Басов. (Ранее, согласно указу 1710 г., рекогносцировку должен был провести камчатский приказчик Осип Миронов, но затея сорвалась из-за скоропостижной смерти Осипа). В начале 1739 г. Басов получил дозволение *«ходить Курильские и прочие незнаемые острова»*[4] и сопутствующую инструкцию за подписью императрицы. Но ввиду отсутствия денежных средств суденышко удалось снарядить только в 1743 г. – после возвращения в 1742 г. команды пакетбота «Св. Петр» (сам пакетбот разбился, а члены отряда вынужденно зимовали на острове, получившем имя почившего там В. Беринга). Второй поход Басова (1745–1746 гг.) завершил открытие Командорского архипелага подробным описанием обоих островов. Во время третьего, 1747–1748 гг., была собрана самородная медь, так появилось название «остров Медный».

С тех пор Командоры пустовали крайне редко. Сначала к ним снаряжались «кампании на паях» из вольножелающих, затем – более крупные и многолюдные промысловые партии, финансируемые купцами в складчину. Острова помнят как краткосрочные заходы, так и длительные «прозимовки» и даже многолетний промысел. Артели состояли в основном из русских, иногда в их состав входили камчадалы и коряки. Алеутов было немного, обычно они указывали путь и выполняли роль толмачей – посредников-переводчиков. В дальние походы их брали редко, а для ведения пушных промыслов, рыбной ловли и прочих работ жителей нанимали на местах. В 1760-х гг. толмачами ходили аттинский алеут Степан Черепанов, атхинский алеут Фома, уроженец о. Санак Александр Попов и многие другие, чьих имен история не сохранила. Сын тойона о. Атту Осип Кузнецов, он же Ишока, прекрасно освоил русский язык и в 1770 г. был представлен императрице Екатерине II.

[3] Крашенинников, т. I, 1994, с. 131–132.
[4] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 3.

Посещал ли кто-то из перечисленных Командорские острова, сказать сложно. Зато доподлинно известно, что в 1798–1799 гг. здесь волею случая зимовала первая группа аттинцев во главе с тойоном Александром Зайковым. В 1798 г. к о. Атту подошел бот «Св. Николай», и тойон, желая показать русским удобный вход в гавань, отправил навстречу байдару с тринадцатью гребцами. Пришвартованную у борта кожаную лодку сорвало налетевшим шквалом, а вскоре и сам бот понесло на запад. На Камчатке судно укомплектовали и вновь отправили на о. Атту. По

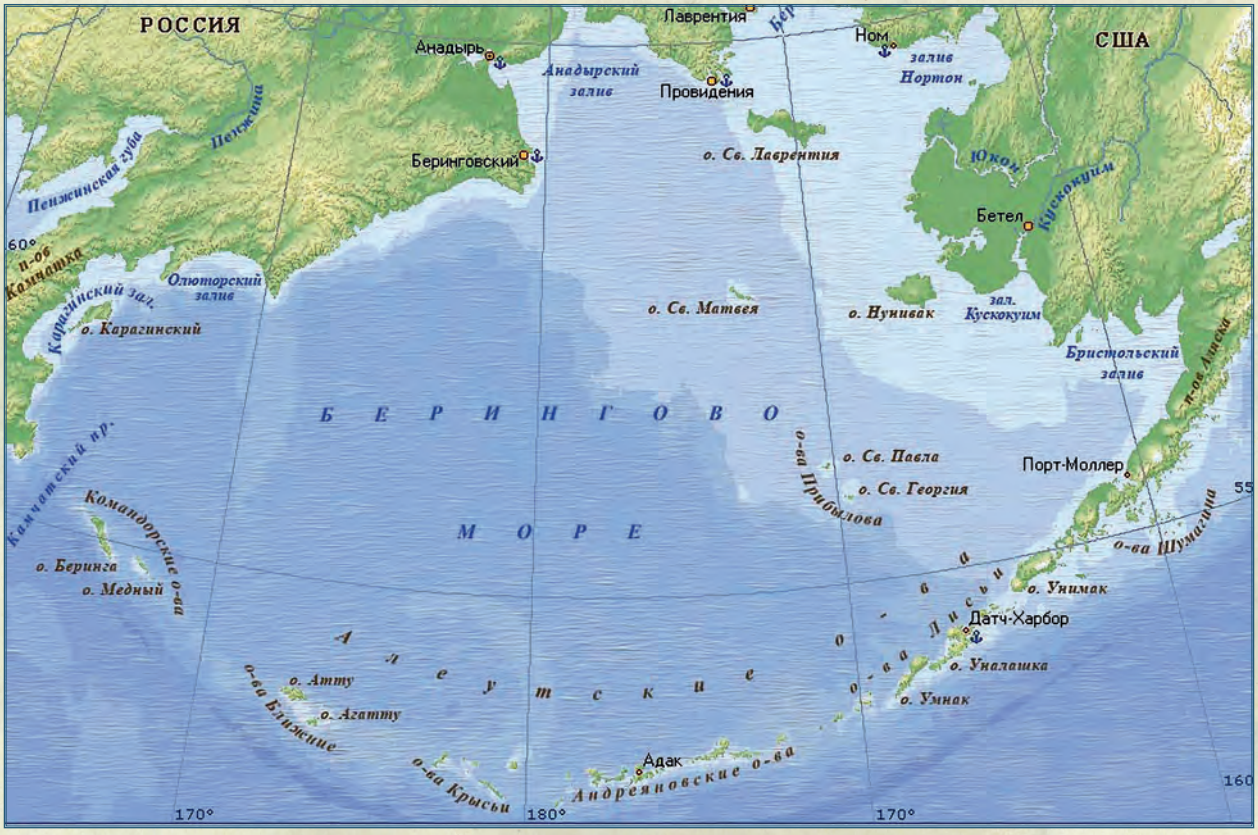

Рис 2. Карта Командорских и Алеутских островов

пути «Николай» остановился у о. Медного, здесь его вновь сорвало с якоря и на этот раз повредило. Починку завершили к весне следующего года, но без якоря продолжать поход не решились, а потому вернулись на Камчатку. По пути домой алеутам довелось увидеть еще и Охотск, но все закончилось благополучно. Позже сын Александра Иван стал одним из первых переселенцев на указанный остров[5].

С 1799 г. привилегия снаряжать промысловые суда была отдана Российско-Американской компании (РАК). Для удобства управления Командорские и западные Алеутские острова (Андреяновские, Крысьи и Ближние) были объединены в Атхинский промысловый отдел с головной конторой на о. Атке (Атхе). Эта часть владений представляла наименьший экономический и политический интерес, и отдел вошел в основной состав колоний РАК только в 1825 г.

Тем не менее, в начале XIX в. на Командорах осела первая группа переселенцев. Речь идет о членах артели Федора Шипицына, промышлявшего с семьей и группой из 10 русских промышленников с 1805 по 1813 г. Именно Федору принадлежала идея переселить на о. Медный несколько алеутских охотников. Численность морских бобров (каланов) неуклонно сокращалась,

Рис. 3. Переселение алеутов на Командорские острова: предполагаемая высадка между бухтами Гладковской и Корабельной, о. Медный (Рельеф. Гипс. 2018. И. П. Вьюев. Фото И. А. Липилиной)

а алеутам не было равных в охоте на этого ценного пушного зверя. Задуманное осуществили в начале 1820-х гг. – правитель Атхинской конторы И. В. Мершенин доставил с о. Атту «17 байдарок алеутов с их

[5] Татаренкова, 2018, Ихчикаличим.

семействами». Помимо группового осуществлялись и частные переселения. Так в 1812 г. один из членов артели, лальский мещанин Василий Бурдуковский, женился на аттинской алеутке Меланье. Семья осела на о. Беринга, положив начало одному из первых родов командорцев[6].

До данным К. Хлебникова, в 1827 г. на обоих островах жили 17 русских, 13 креолов-мужчин, 35 креолок женщин, 24 алеута и 21 алеутка[7]. В число первых переселенцев входили аборигены Ближних островов, креолы и русские – все служащие РАК. Вскоре их ряды пополнили жители Андреяновских и Лисьих Алеутских о-вов, о. Ситки и о-вов Прибылова. Последняя волна подселения «алеутов» имела место в 1887–1888 гг. Этих людей также называли «курильцами», поскольку до 1877–1878 гг. большинство из них промышляло на Урупе и Симушире. После передачи в 1875 г. Курильских островов Японии «курильские алеуты» изъявили желание сохранить российское подданство и были вывезены на Камчатку. Присутствие айнской крови в группе маловероятно: на Урупе жили потомки переселенных в 1828 г. кадьякцев (алютик), а на Симушире – преимущественно алеуты с о. Атки. Также среди них были «колошенские креолы» (метисы тлинкитов и русских)[8]. Кроме алеутов и алютик в конце XIX – начале XX вв. на острова переехали «камчадалки»: П. Удачина, Е. Расторгуева, Е. Ушакова, Е. Шестакова и стали женами алеутов Панькова, Хабаровых, Голодова.

В документах РАК и более поздних отчетах под«алеутами» подразумевали не только жителей Алеутской гряды с исходными самоназваниями *унаӈах (unangax)* и *ниӷух (алиицух)*, но и представителей других аборигенных народов, населявших юго-западную оконечность п-ова Аляски и близлежащие острова. В их числе оказались эскимосы алютик (коняги и чугачи) и разнообразные метисы с примесью тлинкитской, якутской и сибирско-татарской крови[9]. Наряду с «алеутами» существовало понятие «креол», отражавшее не столько этническую принадлежность и степень метисации, сколько более высокий социальный статус. В 1821 г. креолы были выделены в особое сословие. Креолами называли потомков от смешанных браков между аборигенным населением Русской Америки и приезжими европейцами. Под

[6] Вахрин, Татаренкова.
[7] Хлебников, 1979, с. 161.
[8] Татаренкова, 2020 (в печати).
[9] Гребницкий, 1882, с. 45.

«русскими» в нашем случае подразумевали собственно русских, украинцев, коми (зырян и пермяков), евреев, цыган и т.д. Под «камчадалами» – большинство коренных жителей Камчатки, исключая коряков.

За годы совместного проживания на изолированной островной суше пестрый многоликий национальный состав ассимилировался физически и духовно, сформировав алеутско-креольскую общность. Но сколь бы велика ни была степень «креолизации», алеутский культурный компонент всегда оставался доминирующим, обеспечивая выживание социума в экстремальных ситуациях. В настоящее время о. Медный не заселен, а на о. Беринга живет седьмое-девятое поколение переселенцев, осевших на Командорах в начале XIX в.

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

По начальному замыслу две куклы, мужчина и женщина, должны были демонстрировать прежде всего алеутский костюм. Но какой именно? Что взять за эталон?

С 2000-х гг. в качестве «классической» иллюстрации стал закрепляться рисунок «Алеуты» из «Этнографического описания народов России» Густава-Теодора Паули[10]. Издание книги было приурочено к празднованию тысячелетия основания государства Российского (прихода к власти династии Рюриковичей). Роскошный фолиант предназначался для правящей элиты, и ведущим языком стал французский. Хромолитографии части изображений, в том числе этого, были выполнены в Париже в мастерской Ж. Лемерсье (Lemercier). Литографии «Алеуты» и «Тлинкиты» сделаны Турвангером (Thurvanger) с прорисовок Ч. Гуна (Ch. Huhn). Гун, в свою очередь, воспользовался зарисовками одного из исследователей начала XIX в. Историки склонны полагать, что оригинал принадлежал А. Ф. Постельсу (Postels)[11]. В 1826–1829 гг. Александр Филиппович выполнял обязанности минеролога и рисовальщика на борту шлюпа «Сенявин», совершавшего кругосветное плавание под командованием Ф. П. Литке. Алеутские острова экспедиция изучала летом 1827 г.

При беглом внешнем сходстве иллю-

[10] Pauly, 1862.
[11] Fitzhugh, Crowell, 1988, p. 12–13.

страции сильно отличаются. На акварели Постельса изображены три тойона, представлявшие три основные культуры Русской Америки: алеутов, эскимосов алютик и тлинкитов. Фигуры на заднем плане, вероятно, тлинкиты-простолюдины или рабы. В производной версии из альбома Паули вождь кадьякских эскимосов легким росчерком пера превратился… в скромную алеутскую девушку. На грубейшее несоответствие в 1980-х гг. указывала Лидия Блэк[12]. Однако искоренить многочисленные ошибки, накопившиеся за столетия при переизданиях, не так-то просто.

Мы выяснили, что популярная картинка оказалась «фейком», мистификацией: на девушке мужская ритуальная шапка, дорогая парка из урильих (бакланьих) шеек, тех, что под стать высокопоставленным особам, и мужская же обувь. В то же время композиция приятна для глаз. Ее можно было бы взять за основу и доработать,«переодев» героиню.

И тут возник следующий вопрос: как показать, что это не просто алеуты, а именно командорские? Как отразить сложный «креольский» состав населения? На помощь пришли предметы музейных коллекций. Самые ранние были собраны на Беринга и Медном в конце 1870 – начале 1880-х гг. Н. А. Гребницким,

Рис. 4а. Костюмы алеутов (Pauly, Description ethnographique des peuples de la Russie, 1862)

Б. Дыбовским и Л. Стейнегером. Уцелевшие образцы хранятся в Иркутске, Кракове и Вашингтоне соответственно. Их дополнила фототека 1880–1890-х гг. тех же исследователей плюс подполковни-

[12] Black, 2003, p. 126.

Рис. 4b. Костюмы коренных жителей Аляски, рис. предп. А. Ф. Постельса, 1827 (Fitzhugh, Crowell, 1988. Crossroads of Continents, p. 12–13)

ка Н. А. Волошинова (самые интересные кадры удалось обнаружить в музеях Хабаровска и Вашингтона). Перечисленные источники можно считать основными. Также было изучено большое количество вспомогательных, в первую очередь из собрания МАЭ (Санкт-Петербург).

Как ни странно, самым освещенным и всесторонне изученным оказался временной интервал, соответствующий 80-м гг. XIX в. Это был расцвет округа, удивительное время, когда еще в полном объеме сохранялась самобытность алеутской культуры, но вместе с тем активно привносился комфорт европейской цивилизации. Именно этот срез наиболее наглядно иллюстрируют процесс синтеза культур. На нем и остановились.

Екатерина Шардакова

Для реализации задуманного проекта заповедник обратился к замечательному пермскому художнику авторской куклы Е. В. Шардаковой.

Екатерина Владимировна относится к той удивительной немногочисленной категории мастеров-кукольников, которые воплощают в своих работах образы реальных людей. В руках художника рождается не просто кукла. Это – настоящее произведение искусств, герой со своими эмоциями, характером, историей. Неживой объект, наделенный собственной «душой».

Екатерина – профессионал. В 1996 г. она окончила Абрамцевское художественно-промышленное училище им. В. М. Васнецова (Московская обл.), а в 2002 г. –

Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества (г. Пермь). Сегодня она – член Творческого союза художников декоративно-прикладного искусства, Международной организации авторов кукол, Уральской ассоциации художников по куклам и Пермской галереи авторской куклы.

Рис 5. Мастер Е. Шардакова за работой

Е. В. Шардакова является лауреатом международной премии «Макса Оскара Арнольда» – одного из самых престижных конкурсов современного искусства создания кукол (г. Нойштадт-бай-Кобург, Германия); а также лауреатом международных конкурсов: «Пандора Платинум», «Hello, Dolly!», «Звезда салона», «Драгоценные фантазии». Ее работы занимали призовые места на выставках и конкурсах в России, США, Израиле, Нидерландах, Испании, Латвии, Эстонии, Чехии, Франции, Германии. Как признанный мастер Екатерина входила в состав жюри международных конкурсов кукол «История моды “Парфюм”», «Волшебный шкаф» и международного фестиваля «Тедди Евразия». Она является арт-директором бренда «Musa Russa» и преподает авторские мастер-классы и видеокурсы портретной куклы.

Мастер уже имела опыт создания экспозиционных объектов. Четыре года назад Екатерина работала над объемным проектом в г. Конья (Турция). Шесть сделанных ею кукол, иллюстрирующих жизнь и творения выдающегося персидского поэта и философа Мавланы Джалалад-Дина Руми (1207–1273), сейчас украшают музейный комплекс. Были и менее масштабные работы –на тему произведений Гоголя и Чайковского, уже для российских музеев.

Процесс создания

Культурные традиции находят отражение во всем: в предметах быта, орудиях промысла, тканях или замещающем их материале, декоре одежды, подборе цветовой гаммы и т.д. Все органично сочетается с окружающей средой, природой края. Не удивительно, что заказ Командорского заповедника заинтересовал Екатерину. Ей нравилось соприкасаться с бытовыми зарисовками из жизни малочисленного народа, изучать этнические особенности лиц, конструировать костюмы, продумывая решения до мельчайших деталей. Нравилось «оживлять» историю, воссоздавать общую атмосферу.

Дистанционная работа оказалась конструктивной и плодотворной. Но что за творческий путь без «камней преткновения»? Первым и самым ощутимым стал подбор наряда для Алеутки. Сперва ее решили одеть в традиционную парку.

Котиковые парки (из шкур морских котиков) на Командорах шили редко, поскольку вся пушнина шла на продажу, а производственный брак не поощрялся. В ранних источниках для Андреяновских о-вов и о. Кадьяк упоминались бобровые (см. с. 39, 40), однако это, скорее, исключение. По свидетельству натуралиста Георга Стеллера[13], на Камчатке бобровые платья предпочитали не шить, поскольку слишком теплый мех провоцировал переохлаждение: человек разогревался и обильно потел во время движения и быстро замерзал при остановке. К тому же каланья шкура плотная, тяжелая и требует длительной обработки. На полуострове самой красивой считалась белая парка из пыжиков, отороченная бобровой каймой. Каланий мех был идеален для отделки. Сверхтеплые парки могли шить для немолодых женщин.

У алеутов были популярны парки из топорковых грудок. Такую одежду носили и мужчины, и женщины: пером то внутрь, то наружу – в зависимости от потребностей. Топорковые парки выглядели не так изысканно, как урильи, но и трудозатрат на изготовление требовали значительно меньше. Идеальная одежда для островного климата. И идеальный образчик для экспозиции!

[13] Steller, 2005, p. 71.

Неосуществимая задумка – птичья парка

Сибирский термин «парка» вошел в обиход во второй половине XVIII в. Восточные алеуты называли такой тип одежды *’аχсаχ* (*haχsaχ,* «*ахсяк*») – платье, сшитое для работы в море (на байдарке) или *чуχтақаχ*(*chuχtaqaχ,*«*чухтакак*») – просто одежда[14]. А командорские – *чигиđаχ*, *чигийаχ,* слово можно перевести как «дождевик», им же обозначали непромокаемую камлейку (см. с. 35). Стейнегер указывал для о. Беринга алеутское название «саχ» (sakh) и русское «тарка».

Для пошива птичьих парок использовали плотные «грудки» (грудная часть и брюшко) топорков *Lunda cirrhata*. На Командорах на одно платье уходило до 50 птиц. Необычный «птичий» материал полюбился алеутам не случайно и не от «бедности», как могло бы показаться. Вот что писал об этом директор РАК (1835–1838 гг.) К. Т. Хлебников: «*...ничего не может быть удобнее оной в отношении климата и образа их жизни. Сии парки довольно теплы, и как носят их вверх перьями, то дождь обыкновении стекает и не промачивает мездру, которая к тому же и выделана с жиром и не скоро позволяет впитываться воздушной влажности и мокроте. Ветра также не продувают насквозь шкуры; но, соединив парку с кишечной камлеей, алеут долго в состоянии перенести ветер, холод и мокроту*»[15].

Сохранилось три такие командорские парки:в Музее этнографии им. С. Удзели Польской академии наук (Краков) – МЭК 19135, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Санкт-Петербург) – МАЭ 313–64 и Национальном музее естественной истории при Смитсоновском институте (Вашингтон) – NMNH E 73030. Первая была собрана в 1879–1883 гг. петропавловским окружным врачом Бенедиктом Дыбовским, вторая – не позднее 1891 г. управляющим Командорскими островами Николаем Гребницким, третья – в 1882–1883 гг. американским зоологом Леонардом Стейнегером.

Теоретически, чтобы сделать изделие более нарядным, алеуты могли сочетать черные топорковые шкурки с белыми грудками ипаток *Fratercula corniculata*. Две комбинированные парки конца XIX – начала XX вв. хранятся в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова – ХКМКП 3986 и 2416[16]. Этикетка ХКМКП 2416 гласит: «Кухлянка. Алеуты. 1904»,

[14] Bergsland, 1994, p. 39, 148; Вениаминов, 1846, с. 24, 70.
[15] Ляпунова, 1975, с. 161.
[16] Люди рассвета, 2017, с. 264, 266.

но атрибуция неточна. Наличие капюшона, отделка собачьим мехом и использование жильных нитей наводит на мысль, что изделия принадлежат другому, близкому в культурном отношении народу. Схожие по стилю парки можно найти в Национальном музее американских индейцев (Вашингтон, США) и Музее Гленбоу (Калгари, Канада): NMAI 116791 и 118010 сшиты эскимосами юпик о. Св. Лаврентия, а Glenbow Museum R2451.1 – инуитами Унгавы. Вероятно, предметы собрания ХКМ выполнены юитами – азиатскими эскимосами Чукотки. Версию о непринадлежности этих вещей алеутам подтверждают полевые записи Н. А. Гребницкого 1881 г.: командорцы *«мясо* <ипаток> *едят – но шкуру не употребляют никогда»*[17].

Рис. 6. Командорская парка из коллекции Б. Дыбовского (МЭК 19135)

Дизайн алеутской парки отличался отсутствием капюшона (эта деталь характерна для камлеек) и наличием декоративных полос, порою украшенных ложной вышивкой. Грудки всегда ориентировали вертикально, как у живых птиц, чтобы вода свободно стекала. Рукава делали не вшивные: в область подмышек вставлялись лоскуты, выполнявшие роль ластовиц. Эти сшитые из лоскутов «ластовицы» имели клиновидную форму. Ворот в форме невысокой «стоечки» мог быть двусторонним: одна сторона из мягкой нарядной ткани, другая – из каланьего меха(МЭК 19135). Рукав и подол украшали оторочкой. Для этих целей использовали нежную шкурку выпоротка нерпы[18] или лоскут котика-холостячка после фабричной обра-

[17] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 33об.–34.

[18] Там же. Л. 66. Выпоротком называли детеныша, вынутого из чрева мертвой самки, или новорожденного щенка.

ботки в Лондоне. Оторочка, как и ворот, могла быть двусторонней, тогда с перьевой стороны парки пришивали урильи шейки. Над оторочкой со стороны мездры обычно шла широкая красная полоса, краску наносили кистью.

В образце МЭК 19135 оторочка состоит из двух кожаных полос: нижней меховой и верхней, окрашенной в синий цвет и украшенной алеутской ложной вышивкой. Эта «вышивка» по технике исполнения ближе к аппликации. На синем поле сметочными стежками закреплены тесьмовидные полосы: центральная – красная кишечная и боковые – белые из остриженных шкурок выпоротка. Все три декорированы «вышивкой»: белые – участками с перекрещивающимися черными шерстяными нитями, красная – орнаментом из прихваченных белесых тончайших тесемочек, вероятно, кишок рыбы «калашки» (получешуйника).

Горизонтальные швы переда и спинки парки украшали мягкими белыми перышками брачного наряда баклана и яркими шерстяными нитями красного и синего цветов.

Секрет выделки топорковых грудок был прост: внутреннюю поверхность шкурки заквашивали в урине, затем мездрили, промывали в пресной воде и выжевывали[19]. После обработки она становилась почти-белой, мягкой и как бы замшевой. Если праздничную парку надевали пером внутрь и подворачивали расшитые рукава, получалась нарядная одежда. Такую одежду любили женщины. Если надеть пером наружу, получался чудесный дождевик. Хорошо выделанная парка, в случае бережного обращения, служила до двух лет (обычно год).

Более мягкие лоскуты из шеек бакланов (*Phalacrocorax* sp.) шли на детскую одежду. Внешне урильи парки напоминали меховые. Их шили намного реже, поскольку работа была очень кропотливой. К тому же в 1879 г. вспыхнула эпизоотия, приведшей к массовой гибели этих птиц[20]. После использование бакланьих шкурок фактически прекратилось.

В XX в. отказались и от топорковых парок. Приехавшая в 1925 г. учительница Л. И. Кулагина констатировала, что на о. Беринга последние надевали «лет 10 назад»[21].

[19] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
[20] Там же. Л. 40.
[21] Кулагина, 1828, с. 100–101; Гребницкий, 1902, с. 21.

Окончательное решение

Идея одеть Алеутку в птичью парку выглядела заманчиво. Платье было красивым и самобытным, и мы знали, как его сшить. Но вот беда – не оказалось подходящего материала. Даже если по весне и удалось бы достать несколько свежих шкурок, никто не горел желанием выжевывать их до белизны, как это делали мастерицы прошлого. Мять нельзя – можно сломать перо. Возможно, мы бы нашли способ обойти неприятный процесс, но возникала другая проблема. Лоскут из грудки топорка представлял собой прямоугольник с пышной формой в центре и мелким пером по углам. За счет этого перепада парка приобретала характерную текстуру. Чтобы сшить похожую одежду на 50-сантиметровую куклу, нужно использовать черные шкурки мелких птиц. Таких найти мы не смогли.

На поиск синтетических заменителей ушло больше месяца, не считая неоднократных более ранних попыток. Задавали вопрос камчатским мастерицам. Все тщетно. Ни один современный материал не может имитировать перьевой лоскут. Поэтому в начале апреля было принято решение отказаться от этой идеи и заменить платье на европейское. Этот вариант в большей степени соответствовал исторической правде, но уже не выглядел аутентично. Положение исправил кишечный платок *силиитих*.

Рис. 7. Кукла Алеутка

Рис. 8. Кукла Алеут

Тогда же остановились на одном из вариантов экипировки мужчины: на голове – закрытый козырек (аналог ККМГИ 11308), в руках – бобровая «стрелка» с метательной дощечкой. Также рассматривался открытый козырек (аналог МЭК 18975 или 18976) и чируч в руке. Костюм предполагал укороченную кишечную камлейку, штаны лафтасны и торбаса – типичное одеяние командорского промысловика. С этими предметами было немного проще, поскольку задача имела решение. Настоящих кишок морских млекопитающих, при обработке которых получается искомый полупрозрачный лоскут, не было. Пришлось выдумывать и изобретать. Екатерина прежде с подобным не сталкивалась, но довольно быстро нашла выход из положения. Она предложила имитировать кишечный материал, смешав клей ПВА D3 и подкрашенный акриловый лак. После застывания на плоскости получилась прозрачная мутноватая достаточно эластичная пленка, не деформирующаяся со временем. Единственный ее недостаток – жесткость после полного засыхания. Но поскольку куклы-манекены неподвижны, этот вариант вполне подходил для несъемной одежды. Так появились камлейка, штаны и женский платок.

Следующим камнем преткновения стали лица кукол. У нас не было и не могло быть цветных фотографий XIX в., да еще таких, чтобы один и тот же человек с характерной внешностью был пред-

ставлен и в фас, и в профиль, причем с неизменным выражением лица. Поэтому мастеру, прежде делавшему конкретные портреты, пришлось осваивать азы антропологии. Создавая собирательный образ народа, Екатерина старалась объединить в воображении черты стариков и детей, мужчин и женщин. Сложный творческий процесс занял не один день. Особенно долго корректировали мужчину. Все это – посредством обычных фотографий, пересылаемых по электронной почте.

Другой сложностью было соблюсти масштаб, чтобы все смотрелось естественно и органично. В уменьшенном размере все выглядит иначе. Но она справилась и с этим.

Прежде мастерица не знала об алеутах ничего, кроме названия и примерной географической дислокации. Но в процессе работы, с погружением в создаваемый образ, завеса начала приоткрываться. Смуглые обветренные лица, натруженные руки и очень тонкое, продуманное до мелочей шитье рождали представление о самобытном, трудолюбивом, стойком и неунывающем народе. Художнику сложно выразить ощущения словами, но это удалось сделать в получившихся портретах.

«Я всегда радуюсь, когда получается повторить жизнь в маленькой копии», – сказала она в завершение. – *Копии удались, и отрадно сознавать, что, рассматривая их, люди будут открывать для себя что-то новое, обогащать себя, знакомясь с культурным наследием этого удивительного северного народа».*

АЛЕУТКА: ЗНАТНАЯ НЕВЕСТА

По замыслу лицо женщины должно было сочетать в себе фенотипические особенности аборигенов западных Алеутских островов. Очертания мягкие, округлые, волосы прямые и темные. Такой типаж характерен, к примеру, для рода Березиных, Яковлевых и других современных жителей Командор, чьи предки жили на о. Атке. Эти же черты можно было наблюдать у представителей ныне угасших семейств Бурдуковских, Зайковых, Паньковых – потомков алеутов Ближних островов. Запечатленная В. Йохельсоном[22] Евдокия Артамонова жила сто лет назад на о. Атту, но и ее лицо кажется нам знакомым. Собирательный образ, вобравший в себя основные харак-

Рис. 9. Портрет Алеутки

[22] Сокровища Кунсткамеры, 2001, с. 57.

Рис. 10. Жители Командор, послужившие прототипом женщины:
Е. Артамонова (фото Иохельсона, 1909); С. Березин (2009); Е. Новикова (2012); Ю. Будакова (собрание АКМ)

терные особенности, но не повторяющий ни одного из рассматривавшихся персонажей (как женщин, так и мужчин) получился не сразу. Приходилось дополнительно править подбородок, скулы, нос, разрез глаз, цвет кожи... Но в конечном итоге «родилась» красавица Атхинского отдела РАК – абстрактная прародительница большинства алеутов, живущих сегодня на Командорах.

Платье и обувь

После долгих, но тщетных поисков замены птичьей парке было принято решение пересмотреть концепцию композиции в пользу более позднего срока – конца XIX в. О 1880–1890-х гг. сохранилось довольно много подробной информации. Мичман клипера «Стрелок» Николай Беклемишев, посетивший о-ва Беринга и Медный в июле 1881 г., так описывал увиденное: *«обстановка жизни* [алеутов] *соответствует нашим зажиточным крестьянам. В числе домашней утвари непременно есть несколько самоваров, на стенах висят часы. Одеваются мужчины в суконное, а женщины в шерстяныя и даже шелковыя платья. Прежния рубахи из птичьих шкурок теперь почти потеряли свое значение»*[23].

[23] Беклемишев, 1884, с. 14.

Наиболее ценными и исчерпывающими являются дневниковые записи, публикации, фотографии и коллекционные сборы Николая Александровича Гребницкого, управлявшего островами в 1877–1907 гг. Распечатки с фотопластин хранятся в Хабаровском краевом музее. Именно на них, а не на коллективных снимках подполковника Волошинова, запечатлены праздничные наряды командорских модниц.

В 1890-х гг. управляющий фотографировал жителей села Никольского в праздничной одежде. Сюжет некоторых наводит на мысль, что в кадре – молодожены. Легенда не сохранилась, однако видно, что по крайней мере часть фотосессии приурочена к свадьбам. Платье на кукле в точности повторяет наряд сестер с кадра ХКМКП 8019–29[24]. Внешность и поза также перекликаются с изображением на снимке.

Обувь на этих кадрах не видна, но ее можно в деталях разглядеть у других фотографов. Две пары детских сапожек наиболее четко видны на снимке SIA 2016–006804 Леонарда Стейнегера. Многочисленные фрагменты женской кожаной обуви, собранные преимущественно на месте бывшего Ладыгинского селища, хранятся в фондах Алеутского музея. Пристрастие командорских алеутов к хорошей обуви подметил контр-адмирал А. Б. Асланбегов, посещавший острова во время инспектирования летом 1881 г.: *«многие выбирают самые лучшие сапоги и платят по 10–15 рублей»*[25]. Это при том, что хорошие полусапожки стоили на о. Беринга 3 рубля 50 коп. – почти как

Рис. 11: Алеутки с. Никольского
(ХКМКП 8019–29 и 8019–14: Люди рассвета, 2017, с. 285, 280)

[24] Люди рассвета, 2017, с. 285.
[25] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 763. Л. 12–12об.

Рис. 12. Сапожки Алеутки

20 кг первосортной белой муки. Платья и обувь, как и прочие одежды и предметы быта, компания-арендатор ежегодно завозила из Сан-Франциско на пароходе «Александр II».

Занятный момент: если бы удалось сшить имитацию птичьей парки, женщину пришлось бы оставить босой – даже в холодное время года алеутки редко носили обувь.

Меж тем, шаг за шагом формировалась молодая женщина из зажиточной, по крайней мере не бедной, семьи. Мы накинули ей на плечи особую алеутскую шаль и вдруг осознали: у нее есть секрет, она – невеста.

Силиитиҳ

Для женских наплечных платков у командорских алеутов было отдельное слово – *силиитиҳ*, производное от русского «жилет». Со временем значение сузилось до обозначения соответствующего сценического предмета. Но важно понимать, что действия, происходившие во время игрищ, всегда были для алеутов чем-то большим, чем просто развлечения. По своей сути они тяготели к обрядовым. Шаль *силиитиҳ,* наряду с мужской шапкой *салигуҳ*, была задействована в *Қаӈанадаҳ*, празднике Радости.

Шаль шили из прямоугольных лоскутов, полученных путем простейшей обработки кишок или пищеводов морских котиков либо сивучей.

В музеях сохранились четыре командорских предмета: в Кракове – МЭК 19171 (сбор Дыбовского 1879–1883 гг.), Вашингтоне – NMNH E 73028 (сбор Стейнегера 1882–1883 гг.), Санкт-Петербурге – МАЭ 313–69 (сбор Гребницкого, по-

Рис. 13. Шаль *силиитиҳ*, сделанная по мотивам предмета МЭК 19171

ступл. 1891 г.) и Петропавловске-Камчатском – ККМГИ 11309 (сбор Тильмана, ок. 1891 г.). Первые два не вызывают сомнений, это *силиитиҳ* с традиционным орнаментом и окантовкой, 115 × 65 см и 123 × 101 см соответственно. Последние более поздние: меньшего размера (96,5 × 52,5 и 87 × 41 см), без традиционной кишечной «бахромы» и орнаментированы в нехарактерном стиле Андреевского флага.

За образец взяли предмет из коллекции Дыбовского. На нем красные перпендикулярные полосы делят лицевую сторону платка на 6 прямоугольников. Вслед за красной периметр охватывает прерывистая полоса синего цвета. Окантовка выполнена из черных птичьих шкурок, вероятно, урильих. По углам и еще в 10 точках пришиты синие и красные кишечные полосы, распущенные на тесьму. Мастер повторила все в точности, а вместо птичьих шкурок использовала пух от перьев: черный сверху и серый снизу. Размер платка определили в «сажень» – размах кукольных рук.

На Командорах *силиитиҳ* использовали в одноименном танце-сватовстве. Танец *Силиитиҳ* был частью представления *Қаҕанаҕаҳ*.

Праздник *Қаҕанадаҳ*

Командорские алеуты, как и их американские собратья, были большими любителями песен, танцев и разнообразных инсценировок. В XVIII–XIX вв. на Алеутских островах ежегодно проводились пышные зимние игрища. Но чаще проходили более скромные частные торжества.

Окормлявший Лисьи острова святитель Иннокентий (Вениаминов) не раз наблюдал так называемый «простой» праздник *Қаҕанадаҳ,* или «Каганасик»[26]. Собравшихся гостей рассаживали с одной стороны бараборы (традиционной полуземлянки с верхним входом). Хозяева-мужчины садились с противоположной, а женщины и дети размещались между ними вдоль обеих стен. В центре получалась свободная, почти квадратная сцена – площадка около 6 м в длину. Когда приготовления завершались, появлялись мальчики с бубнами. Они клали инструменты и ударные палочки к ним на пол перед хозяевами и удалялись. Мужчины брали бубны и в такт им начинали петь. После трех песен, исполненных как можно громче и выразительнее, бубны переходили к противоположной стороне: все те же мальчики, не проронив ни звука, раскладывали их перед гостями. Гости исполняли свои номера, и процесс продолжался до тех пор, пока репертуар не иссяк.

Рис. 14. Танцы восточных алеутов, 1774 г. Рисунок принадлежал капитану Т. И. Шмалёву, принимавшему участие в организации экспедиций к Алеутским о-вам (Black, 2003, с. 157)

[26] Вениаминов, 1840, II, с. 91–92.

кал полностью. Песни не повторялись. Они непременно должны были быть новые, никем ранее не слышанные. Пока играла музыка, каждый, кто хотел, выходил на сцену и плясал, «приседая и прискакивая» в такт мелодии. Специального порядка не существовало, единственным условием было наличие праздничной парки, по этой причине одно и то же платье переходило из рук в руки. Танцевали все: гости и хозяева, женщины и бубнисты. Похожие игрища проходили и на Командорах.

Время шло, и форма представлений менялась. Спустя сто лет Константин Кулагин, исполнявший обязанности начальника командорских промыслов с 1925 по 1928 г., по воспоминаниям беринговских старожилов описал атмосферу праздников 1880-х гг. В этом ему помогла жена Лидия Ипполитовна. Женщина работала учительницей начальной школы и занималась культурно-просветительской деятельностью среди взрослого населения на о. Беринга. Как и прежде, командорцы устраивали танцы-пантомимы под аккомпанемент национального бубна *чайах*. Бубнисты заранее сочиняли новую песню и подготавливали танцоров. Когда все жители были в сборе, *«музыканты начинали бить в свои барабаны, плясуны в зависимости от сюжета песни представляли различные переживания, выражая в движении ног, рук, мимике – ужас, скорбь, разбушевавшееся море, шлюпку, настигаемую штормом, раненого зверя и пр.»*[27].

В 1923–1925 гг. на о. Медном жил и работал помощник начальника командорских промыслов Борис Редько. По его просьбе старики описали «древний алеутский танец». Он *«исполнялся 3–5 мужчинами, одевавшимися в особые костюмы, сшитые из нерпичьих шкур, и изображал боевые и охотничьи приключения какого-нибудь знаменитого промышленника; танцующие во время исполнения этого танца пели про военные подвиги или охоту изображаемого ими лица. Танцу аккомпанировал оркестр, состоявший из особого рода барабанов или бубнов из нерпичьих или котиковых шкур. Исполнение этого танца продолжалось 3–4 часа, при чем танцующие все время сменяли один другого»*[28]. Лидия Кулагина тоже знала старика, который умел «изображать» некий танец, но увидеть это действо ни ей, ни Редько так и не довелось[29].

Описание еще одного танца сохранилось благодаря воспоминаниям Ю. С. Ла-

[27] Кулагин, 1927, с. 197.
[28] Редько, 1927, с. 89–90.
[29] Кулагина, 1928, с. 101.

дыгиной (1888–1976, урожденной Сушковой). Юлия Сергеевна родилась и выросла на о. Медном, в 1922 г. семья переехала на о. Беринга. В 1966 г. она рассказывала: *«Маленькой еще была, видела “танец радости” в алеутских костюмах. Женщина держит в руках из сивучьих кишок такое полотенце, украшенное на концах; держит его на плечах, потом с кавалером танцует, стелет полотенце на пол и кружится. Вот начинают играть на алеутских балалайках и в бубен палочками бьют, – вот и танцуют, и шоркают, и топают...»*[30]. По мнению хореографа В. Н. Нилова, в описании узнается ритуальный танец сватовства *Силиитиҳ*[31]. Сегодня этот танец называют «Ха-ха, хихи». Под «полотенцем» легко узнается наша сшитая шаль.

Е. П. Орлова, посещавшая Командоры в 1961 г., назвала этот танец «Тулукидах» – вероятно, от алеутского *талиӈиҳ* (пляска), или *талиӈикуҳ* (пляшет). В ее полевом дневнике сохранилась запись: *«При исполнении танца “Тулукидах” мужчины выходили на середину обширной комнаты и принимались играть в бубны, ударяя по ним рукой <...>. Бубны были небольшие, круглые с подвесками или колокольчиками. В танце изображались различные сцены охоты на морских зверей. Женщины сидели справа от входа, хлопали в ладоши в такт игре бубнов и выкрикивали: “Хи-хи, ха-ха! Хи-хи, ха-ха!”»*[32]. Рассказ относился к 1940-м гг., и сама исследователь его видеть не могла.

На Командорах *силиитиҳ* считался женским предметом. Но в более ранних источниках говорится, что похожий платок держал в руках мужчина. В конце XVIII в. на одном из Андеяновских островов Карл Мерк, врач и руководитель академического отряда географической экспедиции Дж. Биллингса и Г. А. Сарычева 1785–1793 гг., стал свидетелем следующей картины: *«Мужчина, который носил маску, попеременно то подпрыгивал вверх, то крутился на месте в такт ударам в бубен. В обеих руках он держал по два надутых желудка морских животных, которыми размахивал различным образом, но в такт; иногда бросал их прочь и вместо этого брал покрывало, сшитое из кишечной кожи с красными и белыми полосами на нем для подобной же игры. Этот танец толкуется как насмешка над старыми и ленивыми мужчинами в их работе. При этих танцах носят алеуты особые шап-*

[30] Бондарева, 1966, с. 39.
[31] Нилов, 1999, с. 25, 32–33, 38.
[32] Корсун, 2012, с. 214–215.

ки, спереди высокие и обильно украшенные козьей длинной шерстью»[33]. Исследователь счел этот танец шуточным, высмеивающим ленивых мужчин.

Игрища не всегда были приурочены к празднику *Қаңанаҕах* или иному другому. Мореход Степан Черепанов так описывал увиденное летом 1760 г. на о. Атту: *«А когда, быв на промыслах, благополучно возвратятца или и без того, когда захотят повеселица, то все в оную большую юрту* [тойона] *забираютца и, собрався, веселятца. И бьют в бубны и поют песни, а жены и дочери их пляшут, обходя в той юрте в круг; и бывает такая пляска с вечера до полуночи или сколько похотят, столько и продолжают, и по оном разходятца по юртам своим»*[34].

[33] Этнографические материалы … 1978, с. 61.
[34] Черепанов, 1948, с. 115–116.

АЛЕУТ: ЗАВИДНЫЙ ЖЕНИХ

Женщина «классической» алеутской наружности в белом нарядном платье идеально символизирует синтез двух культур – североамериканской и европейской. Оставалось подобрать внешность мужчины. Апеллируя к известной фразе Гребницкого: *«К этому присоединила администрация и эскимосов (с о. Кадьяка) и переселенцев с Курильской гряды, в числе которых были и колощенские креолы. Помесь всех этих разноплеменных поселенцев дала результатом существующее население»*[35], остановились на собирательном образе колошей – так раньше называли североамериканских индейцев тлинкитов. (Изобразить кадьякскую ветвь эскимосов алютик технически было бы намного сложнее). Но и с «индейцами» оказалось все непросто. Как сказал классик, вопросы крови – самые сложные вопросы в мире. Старые метрические книги не давали ответа, кто какой народности принадлежал – всех записывали «алеутами» или «креолами». Фамилии большинства поздних переселенцев, упомянутых «курильцев», в числе которых были кадьякцы и метисы тлинкитов, известны, но мало о чем говорят: Катынчак, Контуйак (Селезневы), Омиак, Ишку (Куликаловы), Пажук (Шангины)... Из сохранившихся можно назвать Кичиных, Поповых (одна из ветвей), Хорошевых и, возможно, Си-

[35] Гребницкий, 1902, с. 34 (предложения переставлены местами, но смысл не искажен).

Рис. 15. В. И. Ладыгин, 1950-е гг.
(из личного архива Э. И. Гребзде)

Рис. 16. Портрет Алеута

ницыных («Сипицыны» могли оказаться как Синицыными, так и Шипицыными). Но этот путь оказался тернист из-за недостаточного количества ранних портретов. Оставалось уповать на визуальную антропологию.

Некоторые ветви Ладыгинского рода отвечают искомым требованиям, хотя

Рис. 17. И. И. Вожиков, 2011 г. (фото Татаренковой)

документальных подтверждений генетической связи с тлинкитами обнаружить не удалось. В итоге мы взяли за основу портреты прямых внуков Терентия Алексеевича Ладыгина (1878–1928): Вячеслава Индриковича Гребзде (1927–1961), ок. 1938 г. он взял фамилию матери (Ладыгина), и его двоюродного брата Ивана Ивановича Вожикова (1952 г.р.). Образ Вячеслава, как более ранний, сделали доминирующим. К тому же, на старых черно-белых снимках ему было как раз около 25 лет.

Как ни странно, комбинированный портрет мужчины оказалось создавать намного сложнее, чем женский. Первый вариант был похож на дагестанца. Пришлось править губы, заострить и выделить скулы, углубить участок между круговой мышцей рта и жевательными мышцами, изменить угол височной кости, наклон бровей и т.д. Отдельное внимание было уделено пальцам и кистям рук. В результате получился промысловик со смуглым обветренным лицом – молодой, но уже опытный зверобой, закаленный северными ветрами, привыкший к тяжелой работе в ледяной воде.

Камлейка, лафтасны и рубаха

Юноша одет в промысловую одежду – камлейку и штаны лафтасны, как на известной фотографии Е. К. Суворова «О. Медный. Группа алеутов в камлейках, ловташнах и торбасах, приготовленных из сивучьих кишек, котиковых горл и нерпичьих шкур»[36]. Но на ней различимы только общие очертания. Детали комплекта хорошо просматриваются на снимках Н. А. Волошинова «Мужчины на острове Медном» (ХКМКП 8026–30 и 8026–31).

Камлеями (камлейками) называли повседневную одежду алеутов, имеющую вид длинного или укороченного платья с капюшоном (капюшона не имели только нарядные камлеи с декорированными рукавами, подолом и воротом, сшитые наподобие русских рубах). В непогоду такое платье надевали поверх птичьих парок, а позже – привозной одежды. Традиционно капюшон и рукава имели кулиски, в которые вставлялся шнур для затягивания и предохранения от намокания. У русских, осваивавших Алеутские острова с середины XVIII в., подобные приспособления отсутствовали. При переездах на байдарках, работе в море и просто во время сырой погоды такая одежда была незаменима.

Распространенное на территории Русской Америки слово «камлея» произошло от чукотского «кэнлилюн». Алеутское на-

Рис. 18. Мужчины о. Медного (ХКМКП 8026–30, 31: Люди рассвета, 2017, с. 303)

[36] Суворов, 1912.

звание изделия – *чигиđаҳ*, *чигийаҳ*, от *чиҳтаҳ* – мелкий дождь, бус.

Камлейки шили главным образом из кишок и горловин (пищеводов) сивуча. Также допускалось шитье из кишок и пищеводов морских котиков, лахтаков, китов и даже медведей (на о. Кадьяк). Изделия из последних двух были менее износостойкими. Но даже сивучьи и котиковые камлейки служили не больше нескольких месяцев (в год требовалось от двух до трех). Из кишок крупного секача получалось два платья[37].

В свернутом виде хорошая камлейка имела объем сложенной в трубку салфетки. Отправляясь на промысел, командорские алеуты держали ее в заплечном мешке и при необходимости надевали поверх европейской одежды. Летом камлею могли одевать на голое тело. Кишечная одежда бытовала на Командорах до 1930-х гг. включительно[38]. Следующие два десятилетия ее шили в исключительных случаях: детям или как подарочную вещь.

В музеях мира сохранилось довольно много образцов. Командорские камлейки представлены в собраниях: Иркутского музея (ИОКМ 109–1,

Рис. 19. Камлейка со спины. Командорская камлейка из горловин сивуча (МЕК 24210, сбор Дыбовского)

[37] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 65об.
[38] Барабаш, 1934, с. 16; Сергеев, 1938, с. 133.

сбор Гребницкого до 1882 г.; еще три предмета имеют неточную атрибуцию, но по крайней мере один из них вывезен с Командор до 1879 г.); Краковского музея (МЭК 24209 и 24210, сбор Дыбовского 1879–1883 гг.); Смитсоновского музея (NMNH E 73024, сбор Стейнегера 1882–1883 гг.); Кунсткамеры (МАЭ 3483–1 и 3483–2, приобретены адмиралом К. Д. Ниловым в конце XIX в.[39]); Хабаровского музея (ХКМВХ 458/114, конец XIX в., атрибуция неточная); Камчатского (ККМГИ 11307, ККМГИ 11388, ККМГИ 11389, КОКМОФ 34092, КОКМОФ 34093) и Алеутского (АКМГИ 194) музеев. Самой поздней является камлейка, представленная в основной экспозиции на о. Беринга, она сшита последней командорской мастерицей Анной Макаровной Паньковой (ок. 1884–1958). Перечисленные предметы сшиты из кишок и пищеводов ушастых тюленей, и все, кроме МАЭ 3483–2 и ХКМВХ 458/114, имеют капюшоны. Длина изделий варьирует.

При выборе фасона для нашего бравого героя мы остановились на самых прочных и износостойких, а потому и дорогостоящих[40] камлейках, сшитых из горловин сивуча. Таких предметов сохранилось два: ИОКМ 109–1 и МЭК 24210, между собой они похожи. От кишечных они отличаются более темным и плотным материалом, лоскуты не длинно-прямоугольные, а укороченные, почти-квадратные, сшитые между собой в шахматном порядке. Ворот капюшона высокий, защищающий от ветра и брызг. Кулиски капюшонов широкие, декорированные открашенными кишечными ремешками: на МЭК 24210 полоска красная, а на ИОКМ 109–1 – черная с белыми накладками, удерживающими пучочки разноцветного гаруса. Мы выбрали красный вариант и отказались от окантовки подола и рукавов, сделав края рукавов просто затягивающимися.

Шнур для стягивания капюшона вили также из кишечного материала. В образце ИОКМ 109–1 концы шнура связаны между собой и заканчиваются тремя «корольками»: двумя черного и одним зеленого цвета. Этот элемент мы также позаимствовали. На островах бусины очень ценились, жители собирали их в бухте Командор на месте лагеря Второй Камчатской экспедиции. Во время морского похода бисер, наперстки и зеркала служили меновым товаром, а после вынужденной зимовки 1741–1742 гг. и строительства гукора «Св. Петр» за ненадобностью были оставлены вместе с остальным скарбом

[39] Корсун, 2019, с. 287.
[40] Вениаминов, 1840, II, с. 213.

Рис. 20. Завязки с «корольками», сделанные по мотивам предмета ИОКМ 109–1

в специально отстроенном «магазейне». Наш Алеут не раз пересекал пролив между Беринга и Медным и посещал указанную бухту. Впрочем, корольки могла ему подарить и возлюбленная.

Покрой камлеек был таким же, что и у парок: прямые полотнища и клинья под мышками. Швы были плотными, герметичными, выполнялись двумя кишечными нитями (см. с. 69). Этот практичный и красивый шов хорошо заметен на капюшоне.

Странным словом «лафтасны» (*лафташнаӽ*[41]) называли непромокаемые промысловые штаны. Возможно, оно произошло от сибирского «лафтак» (лавтак) – грубо выделанная шкура сивуча с опревшим мехом. Лафтак вошел в алеутский язык со звучанием *лаӽтакаӽ*. Есть и другие созвучные слова: глагол *лаӽтал* переводится как «соединять», а *лаӽтаӽ* в первой половине XIX в. имело на восточных островах значение «бандит, убийца»[42]. Учитывая резню между русскими и алеутами, произошедшую в 1760-х гг. на Лисьих о-вах, и страх перед «беглецами» (любыми иноземцами, бежавшими с кораблей в результате внутренних конфликтов), последний вариант нельзя сбрасывать со счетов. До прихода европейцев алеуты штаны не носили, но уже в XIX в. эта одежда стала обыденной.

Лафтасны шили преимущественно из более прочных горловин сивуча. Покрой повторял простейшие русские портки с клиновидной ластовицей между ног. На поясе имелась кулиска, в нее продевалась кишечная или иная вздержка. Длина штанов варьировала от длинных – почти до пят, до укороченных – по колено. Обычно – до голени или чуть ниже, в зависимости от высоты торба-

[41] Меновщиков, 1977, с. 172.
[42] Bergsland, 1994, p. 252–253.

Рис. 21. Лафтасны (ХКМКП 52)

сов. В отличие от камлейки направление кишечных лоскутов было вертикальным.

Сохранилось два образца командорских лафтаснов: в Петропавловске – ККМГИ 11310[43] и Хабаровске – ХКМКП 52. Предмет ККМГИ 11310 датируется концом XIX в. Длина 73 см, то есть приблизительно до середины голени. Низ штанин подогнут на 0,7 см и подшит сметочным швом. Кулиска кишечная, шириной 2,6 см, внутри сохранился фрагмент тканевой веревки. Штаны ХКМКП 52 собрал в 1926–1927 гг. В. П. Сторчак (предположительно, на о. Медном). Они длиннее, до лодыжек, 101 см (алеуты невысокого роста). Кулиска тканевая, пришита при помощи швейной машинки. Низ штанин подогнут и также прострочен на машинке. Остальные швы алеутские (см. с. 68, 69): центральные передний и задний, а также боковые вдоль обеих штанин – наружные, остальные (соединяющие лоскуты в полотнище) – внутренние. Боковые швы выглядят декоративно, поскольку выполнены хлопчатыми нитями черного и белого цветов. Большинство швов имеют кишечную вставку-уплотнитель.

У нашего Алеута модель укороченная, заправленная в бродни. Верхняя часть скрыта камлейкой.

В начале 1880-х гг. многие командорские алеуты, «мужчины-франты», как отозвался о них Беклемишев, носили *«крахмальныя рубашки и пр. принадлежности к ним»*[44]. Поэтому и наш герой имеет под камлейкой европейскую покупную рубаху, а под лафтаснами – кальсоны. При внимательном рассмотрении можно заметить манжет.

[43] Володарская, 2002, с. 176, 194; Каталог, 2010, с. 155–156.
[44] Беклемишев, 1884, с. 14.

Торбаса и бродни

Торбасами называют средневысокие сапоги, сшитые из кож и/или кишечного материала. Броднями – высокие сапоги с отворотами. Командорские алеуты называли такую обувь *улигиих* (мн. ч. *улигис*). Слово «улиги» (уляги, уледи) пришло из Сибири вместе с первопроходцами XVIII в. Носили ли алеуты обувь до прихода русских, остается вопросом открытым.

По свидетельству Степана Глотова, передовщика и морехода на судне «Св. Андреян и Наталия» (поход 1762–1766 гг.), жители о. Кадьяк носили *«на ногах зимою **длинные торбаса из оленьих камасов**»*[45]. Из одежды у них в ходу были *«парки лисьи, бобровыя, птичьи, еврашечьи, оленьи»*, надеваемые на голое тело, без нижнего платья. Также имелись *«шапки разных манеров»*. Командорцы впитали культуру народа *канаағиҳ* (кадьякских эскимосов), но при всей схожести она отличалась от алеутской.

Приблизительно в эти же годы Иван Коровин, мореход и передовщик судна «Св. Троица», отчитывался о походе 1762–1765 гг. к Алеутским о-вам Уналашке и Умнаку: *«Парки долгия, рубашек, штанов и **торбасов никаковых не имеют**, точию и из них, да и то самое малое число зимою носят на ногах **торбасы, по их обычаю шитые**»*[46]. В утверждении верхневажского (вологодского) крестьянина налицо противоречие. Или фразу следует понимать так: национальной обуви не имели, но из-

Рис. 22. Торбаса-бродни (АКМГИ 195)

[45] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 82–83.
[46] Коровин, 1948, с. 143.

редка шили на свой манер подобие сибирских торбасов.

Еще западнее, на Андреяновских о-вах, во время похода 1760–1764 гг. селенгинский купец-мореход Андреян Толстых наблюдал следующее: *«на низменных местах у них земляныя юрты, коих никогда не топят; парки из кож морских птиц <…> штанов,* ***торбасов и шапок не носят****; у женщин и детей парки птичьи же, но бывают и бобровыя»*[47].

О самых западных, Ближних, о-вах тотемский купец-мореход Степан Черепанов в рапорте о походе 1759–1762 гг. сообщал, что алеуты носили*«****обувь из горла сиучева, а подошвы из сиучевых ластов****»*[48]. Однако к 1760 г. они уже были *«лакомы к правианту, так же и к российскому всякому платью»*.

Из сказанного следует, что во второй половине XVIII в. мужчины Алеутских о-вов редко надевали обувь, а женщины и вовсе ходили босиком. На Командорах торбаса бытовали с первых лет заселения вплоть до середины XX в. Их предпочитали привозным кожаным и резиновым сапогам за легкость и дешевизну.

Интересные наблюдения о командорской обуви сделал Дыбовский: *«Во время охоты и работы на пристани используется непромокаемая обувь, которую русские называют “бродни”. Это своеобразные сапоги с длинными голенищами из шкур котиков с подошвами из шкур морских львов. Есть и другой вид водонепроницаемой обуви, которую надевают, чтобы ходить по глубокой воде. Ее сшивают вместе с кожаными штанами, по-алеутски она называется “худовойех”»*[49]. О том, что лафтасны сшивали с торбасами, известно из многих источников. Этот прием запечатлен на упомянутых снимках Волошинова. Но слово *худовойех* (польск. *chudowojech*) вызывает сомнения – оно сильно искажено и в таком звучании не встречается ни в одном из словарей. Определение «кожаные штаны» также не совсем удачное, поскольку может вызвать ассоциацию с меховыми комбинезонами, которые для командорских промыслов были не нужны.

Ранние алеутские сапоги из-за широкого голенища выглядели как мешок с подошвой. В начале XIX в. вошли в обиход торбаса с передами (головками), именно такая обувь бытовала на Командорах. Сохранилось несколько образцов: торбаса детские невысокие МАЭ 313–66 (22,5 см выс.) и ХКМКП 2251 (24 см выс.); не-

[47] АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 65.
[48] Черепанов, 1948, с. 117.
[49] Dybowski, 1885, s. 41.

парный сапог ККМГИ 1080 (46 см выс.); а также бродни ХКМКП 48 (82 см выс.) и АКМГИ 195 (ок. 80 см выс.).

Голенища торбасов (в народе их называли «голяшками») обычно делали из горловин сивуча. На пару сапог уходил один пищевод взрослого животного[50]. Если горловин не было, брали мягкую обработанную кожу молодых сивучей: из одной шкуры выкраивали пару «голяшек» выше колен. Также для этих целей использовали шкуру молодой нерпы, еще эти шкуры шли на «переда» (головки). На подошву брали толстую шкуру секача, но самым лучшим материалом считалась кожа с ластов: «будучи морщиноваты», они идеально подходили для хождения по скользким камням[51]. Из передних ластов выходило четыре, из задних – две пары подошв. В отличие от одежды обувь сшивали не кишечными, а жильными нитями – они более прочные. Позже стали использовать привозные хлопковые.

Рис 23. Торбаса на Алеуте

В селе обувь шили женщины, но на промысле эту работу выполняли и мужчины, и подростки. В экспозиции Алеутского музея представлена пара, сшитая в 1960-х гг. Александром Алексеевичем Волковым (1906–1982) – приезжим специалистом, осевшим на острове и женившимся на медновской алеутке.

Детей, в том числе мальчиков, учили шить торбаса с 10-летнего возраста. Как и многие сверстники, медновчанин Геннадий Михайлович Яковлев (1935 г.р.) освоил этот навык в детстве. Его обучали мать, Елизавета Павловна, и ее родные братья, Хабаровы. В 1940-х гг. такая обувь была уже не у всех – ее активно вытесняла

[50] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 65об.–66.
[51] Вениаминов, 1840, II, с. 215.

привозная, но благодаря дядьям-промысловикам Геннадий носил ее лет до 12.

В 2009 г. Геннадий Михайлович рассказал[52], как правильно шить, как «учили старики». В его бытность улиги с более короткими «голяшками» из горловин сивуча делали в основном для женщин. Мужчинам шили высокие бродни с голенищем из шкуры молодого сивуча или, еще лучше, нерпы. Котика для этих целей не брали – в те годы добывали холостячков, а у них шкура толще, чем у нерпы. Головки делали из более плотной шкуры сивуча, а подошвы – из самой толстой, прочной и износостойкой, взятой ближе к шее. Елизавета Павловна по старинке предпочитала сивучьи ласты.

Прежде чем шить шкуру нужно было подготовить. Ее мездрили, обезжиривали, смачивали водой, заворачивали в тряпку и на 7–8 дней клали в теплое место (обычно дома). Мочевину не использовали. За это время шкура «чакнала» – кисла и прела, а шерсть выпадала. После полного удаления волоса лоскут промывали в пресной воде и растягивали для сушки. Часто просто прибивали на стену. Шкуру нерпы сильно не мяли, чтобы она оставалась среднежесткой и придавала обуви форму.

На готовую поверхность наносили разметку. Размеры снимали индивидуально по ноге. Последовательность работ была следующая: 1) сперва сшивали головку – там единственный шов сзади, он всегда наружный; 2) затем пришивали к ней подошву; 3) прошивали голенище (если оно не из цельной горловины); 4) внешним швом соединяли голенище с головкой.

Поскольку со стороны шерсти поверхность ровнее и привлекательнее, «голяшки» сшивали мездрой внутрь. Нитки использовали привозные. Чтобы шов получался ровным и плотным, шили крест-накрест двумя иголками.

За полвека обувной шов сильно эволюционировал: в паре ХКМКП 48 голенища сшиты и пришиты к головке традиционным алеутским швом, а задний шов на головке выполнен «вперед иголкой»; в паре АКМГИ 195 алеутский шов заменен на шов «вперед иголкой»; в 1940-х гг. детали стали сшивать в две иглы «крестом».

Из самой тонкой нерпичьей шкуры вырезали длинные ремешки шириной около 2 см (длина и ширина варьировали в зависимости от размера обуви). Эту полоску использовали для уплотнения шва. Ее складывали пополам повдоль, вставляли в стык между головкой и подошвой и прошивали с изнаночной стороны. Таким образом, каж-

[52] ПМА: Г. М. Яковлев, 5.05.2009; 21.09.2016.

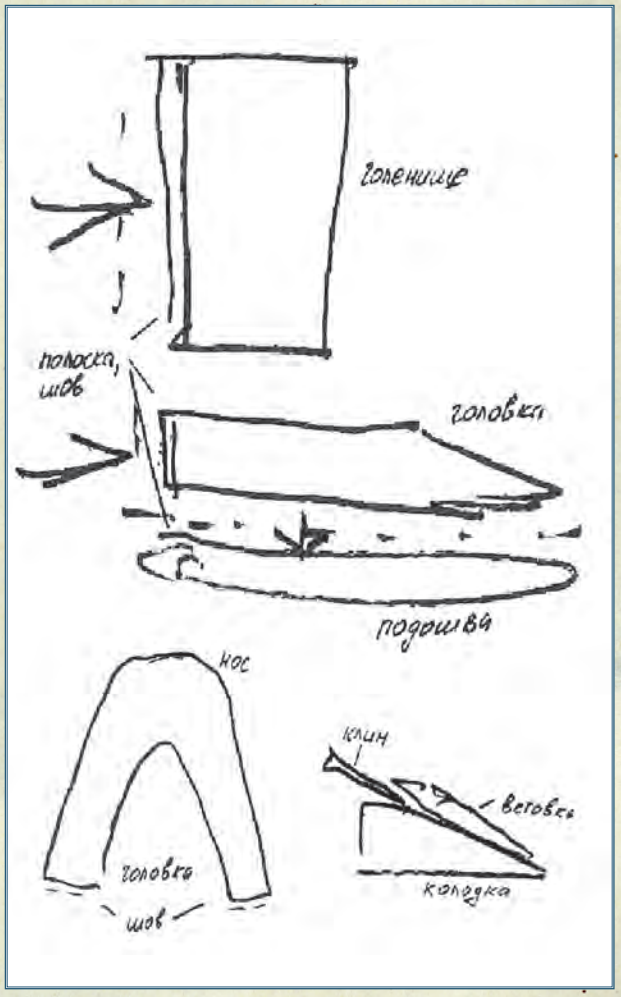

Рис. 24. Пошив командорских торбасов.
Колодка к торбасам (рис. Г. М. Яковлева, 2009)

дый раз игла проходила через четыре слоя: головки, сложенного вдвое ремешка и подошвы. Срединный сгиб, ровный и красивый, выступал с лицевой стороны.

Вшитая таким способом окантовка-уплотнитель характерна для всех алеутских сапог. Часто ее делали из плотного кишечного материала (горловин). Другая уплотнительная вставка тянулась вдоль шва на голенище. Она отличалась от нижней и больше походила на те, которые можно разглядеть на некоторых камлейках и плащах-накидках. Обычно она была тонкой и плоской (не согнутой повдоль). Нередко, прежде чем вшить, ремешок окрашивали в красный цвет, из-за чего вертикальный слегка выдающийся язычок напоминал лампасы, с той разницей, что пришивали его вдоль внутренней, медиальной стороны.

К торбасам делали деревянные колодки с полукруглой вставкой и клином, чтобы растягивать и держать форму носка. Пока торбаса были мягкие, в них вставляли колодку и клином распирали вставку. Затем сапоги сушили в темном проветриваемом помещении (к примеру, в коридоре). Первый раз это делали сразу после изготовления, пока кожа еще влажная, а затем – каждый раз после намокания. Колодки соответствовали размеру обуви, правая и левая не отличались.

Понятия «правый» и «левый» для тор-

басов условны (кроме бродней ХКМКП 48, где латеральные бортики выше и несут хлястики). Чтобы кожа в области больших пальцев истончалась не так быстро и срок службы увеличился, один и тот же сапог носили то на правой, то на левой ноге. Но даже при аккуратном использовании торбаса изнашивалась за 2–3 (4) месяца. Если подошва стиралась, ее не меняли и шили новые. Чтобы обувь не промокала, ее раз в 2–3 дня смазывали нерпичьим или сивучиным жиром (котиковый не использовали).

Наш Алеут обут в бродни, повторяющие ХКМКП 48. В них можно долго работать в морской воде и удобно карабкаться по скалам, поднимаясь к птичьим базарам. В конце XIX в. на о. Беринга бытовало поверье, запрещавшее ходить по лежбищам с «железом», то есть в привозных кожаных сапогах, подбитых медными гвоздями. Считалось, что «коты перестанут ложиться» (приходить на это место). Для работ на залежках допускались торбаса и американские резиновые сапоги. Но последние были тяжелы и при долгом ношении вызывали ревматизм, а торбаса – это универсальная обувь для любой погоды.

Шапка ворона

Деревянные шапки и козырьки были неотъемлемой частью алеутской экипировки. Их носили мужчины во время морского промысла и переходов в байдарках. Считается, что основным назначением козырьков была защита глаз от морских брызг и солнечных бликов на воде. В то же время эти головные уборы являлись показателем социального статуса владельца. Козырьки с закрытым верхом ценились значительно выше, их обладателями были наиболее уважаемые члены социума. Обилие усов сивуча свидетельствовало об охотничьем мастерстве владельца.

Изготовление головных уборов требовало времени и мастерства. В качестве материала использовали выносной плавник, но подходил не всякий. Наилучшим считалось белое благовонное дерево, или «желтой кедр». Скорее всего, это кипарис нутканский (*Cupressus nootkatensis*), отличающийся высокой прочностью древесины и с прямыми волокнами. Раньше аборигены Аляски широко использовали этот вид, но в настоящее время численность деревьев быстро сокращается из-за уменьшения

Рис. 25. Шапка Ворона на Алеуте

величины снежного покрова зимой. Из «желтого кедра» изготавливали небольшие предметы. Древесина не менее прочного «красного кедра», туи складчатой *(Thuja plicata)*, шла на крупные детали: каркасы байдарок, опоры для жилищ и т.д. За неимением кипариса и туи брали «канадскую сосну» – *Picea glauca* и другие виды.

По свидетельству зимовавшего на о. Беринга в 1783–1784 гг. Григория Шелихова, море *«выбрасывает иногда на сей остров настоящее конфорное, и еще другое дерево, которое имеет белой цвет, мягко и благовонно»*[53]. За неимением «желтого кедра» могли использовать кокорины (расширенную часть дерева, где ствол переходит в корень) других пород. Вырезанную пластину распаривали, гнули и сшивали. Тот же прием распаривания древесины применяли при изготовлении алеутских лыж вплоть до середины XX в. (этим навыком владеет Г. М. Яковлев).

Козырек с открытым верхом западные алеуты называли *чахуđаҳ (chaguyaҳ)*, а восточные – *чагуđаҳ (chaguđaҳ)*. Название козырька с закрытым верхом сохранилось только у восточных алеутов – *қангиилуҳ (qangiiluҳ)*, такие шапки делали только из белой древесины. При мнимой простоте деревянный козырек может оказаться более сложным и многофункциональным устройством. С конца XIX в. эти своеобразные головные уборы перестали применять по прямому назначению. Командорские предметы, созданные в 1890-х гг., выглядят гротеском и наводят на мысль о сценическом использовании.

Сохранилось пять командорских деревянных шапок: в Кракове – МЭК 18975 и 18976, Петропавловске – ККМГИ 11308,

[53] Шелихов, 1793, с. 133.

Хабаровске – ХКМКП 5539 и Санкт-Петербурге – РЭМ 11994–1. И еще несколько маленьких моделей.

Козырек ХКМКП 5539, вероятно, сделан Д. А. Поповым (ок. 1860–1901), автором похожей миниатюры ХКМКП 325. Даниил Ананьевич переехал с о. Атту на о. Медный в 1872 г. и прожил на последнем без малого 30 лет. Он сшил козырек х/б нитью из двух гнутых кусков дерева. Снаружи белая древесина окрашена в черный цвет и декорирована симметричным узором из выстроенных в волнистую линию перемежающихся красных и белых точек, рядом проходят линии охристого и красного цветов. Внутренняя поверхность темно-синяя, а низ козырька красный. В лобной части закреплены две нити из китового уса, на них нанизаны «корольки» и бисер из бухты Командор. По обеим сторонам на уровне ушей закреплены «глаза», вырезанные в форме усеченного конуса: с темно-синим верхом и белым бортом (у ХКМКП 325 в этом месте наклеены натуралистичные красные деревянные «уши»). По форме козырек напоминает утиный клюв.

Предмет собрания РЭМ не похож ни на одну из алеутских шапок-козырьков. Он не сшит, а вырезан из цельного куска дерева. Верх не конусовидный, а округлый. По форме и нанесенному в виде кружочков орнаменту легко узнается голова нерпы, а длинный уплощенный козырек напоминает клюв утки. По бокам на месте «волос» торчат усы сивуча. Странная этикетка «Камчатский округ, Чукотский р-н, Командорские о-ва» вызывает недоумение. Предположив, что на шапке изображена охота на морских котиков[54], исследователи пришли к заключению, что предмет изготовлен на Командорах или о-вах Прибылова, где есть лежбища. На самом деле это отстрел сивуча, что значительно расширяет круг поиска. С моделью ХКМКП 325 шапку сближает «утиный клюв» и натуралистичные человеческие ушные раковины, в данном случае они нарисованы.

Поскольку формы и мотивы двух этих шапок нетипичны, для данного проекта они были отвергнуты.

В предметах собрания МЭК и ККОМ прослеживается тема Ворона (*Қаӈлааӈих*). Образ Ворона в фольклоре северных народов неоднозначен. Он и птица, и не птица. В ранних источниках Ворон выступает в роли творца: у святителя Иннокентия[55] подробно изложена тлинкитская легенда

[54] Горбачева, Ляпунова, с. 55–57.
[55] Вениаминов, 1840, III, с. 35–55.

Рис. 26. Шапка Ворона (МЭК 18976)

Рис. 27. Шапка Ворона (ККМГИ 11308)

о сотворении света прародителем Элем, который любил перевоплощаться в ворона. В более поздних текстах Ворон выступает в роли трикстера, обманщика и шутника.

Козырьки МЭК 18975 и 18976 похожи между собой, их форма близка к классической, а цвет и очертания напоминают клюв ворона. Оба предмета изготовлены одним мастером и вывезены Дыбовским в промежуток между 1879 и 1883 гг. Они выполнены из цельной изогнутой деревянной пластины. Сужающиеся концы скреплены внахлест двумя параллельными швами. Со внутренней стороны козырьки окрашены в темный маренго, с наружной – в черный цвет. В лицевой части проделаны два отверстия, в них подвижно закреплен ус сивуча. Основание уса преобразовано в своеобразный «цветок» из остриженных и расщепленных перьев ворона. Стволовые части перьев надежно закреплены морским обмоточным узлом, нить кишечная. Берестяной уплотнитель предотвращает скольжение. На вершине, близ основания уса, расположена уже знакомая бусина-королек. По бокам на уровне ушей красной краской нанесены дуги в форме «С». Позади них проделаны небольшие отверстия для крепления кишечного шнура.

Шапка ККМГИ 11308 напоминает европейскую кепку с длинным козырьком и овальным донышком. Колпак сшит из небольших деревянных дощечек и выкрашен в черный цвет, швы закрыты узкими деревянными накладками красного цвета. Аналогичные накладки прикрывают стык между колпаком и козырьком и служат окантовкой последнего. К четы-

рем накладкам приклеены расщепленные повдоль перья ворона. К верхнему краю колпака пришито округлое донышко. На нем в теменной области закреплены три пронизки с бисером голубого, маренго, белого и черного цветов, собранного в бухте Командор. Козырек сшит из дощечек темно-зеленого цвета. По бокам расположены два огромных «глаза», его кольца окрашены в охристый, черный и красный цвета. Со внутренней стороны шапки имеется кожаный подклад. Предмет был вывезен в 1891 г. Н. М. Тильманом. В 1889–1894 гг. Николай Матвеевич служил помощником окружного начальника Командорских островов, с 1890 г. его основным местом дислокации был о. Медный.

Выбор головного убора для Алеута пал на шапку из собрания ККОМ. Она красивая, оригинальная, отражает синтез культур и, главное, характеризует обладателя как человека изобретательного, наделенного юмором и фантазией. Наш герой сам немного похож на проказника-Ворона, но его внутренний смех и тонкая ирония всегда скрыты за маской серьезности.

Бобровый промысел

Все описанные выше детали – внешность, кишечный костюм, торбаса и деревянная шапка Алеута – косвенно указывают на то, что наш герой родом с о. Медного. Прямым «доказательством» служит последний штрих – метательная дощечка и бобровая «стрелка» в его руках.

До середины прошлого века каланов на островах называли морскими бобрами, просто бобрами или по-алеутски – *чӈатуҳ*. Слово «калан» имеет корякское происхождение. Бобровый мех славился великолепными термоизоляционными свойствами и высокой износостойкостью. В XVIII в. основной товарооборот шел через Китай, где шкуры использовали главным образом на утяжеляющую отделку для легких шелковых одежд. В XIX в. достоинства меха оценили и европейцы. Во времена РАК добротная шкура взрослого животного стоила в 10 раз дороже шкуры голубого песца и в 50 раз – морского котика.

В1741 г. бобров на о. Беринга было очень много. Летом зверьки поднимались по рекам и озерам на несколько километров от моря и располагались в тенистых распадках долин. Там они резвились и занимались брачными играми, туда же приводили детенышей. Но уже через год промысла животные сделались пугливыми.

Рис. 28: Алеут в байдарке, грав. А. Ухтомского (Атлас к полному собранию...)

Численность начала снижаться, а затем падать.

Причина, по которой в 1805–1812 гг. бригада Ф. Шипицына промышляла преимущественно на о. Медном, была напрямую связана с возможностью охоты на калана. На о. Беринга зверь встречался значительно реже. Но как ни старались русские промысловики, за 7 лет удалось добыть только 15 бобров[56]. Тогда Шипицын предложил вывести пушной промысел на новый уровень, сделав его морским. А для этого нужно было привезти на Командоры алеутов. В искусстве добычи бобров алеутам не было равных: «*На море, во время волнения, они всегда разочтут падение и скорость волны, и всегда отличат простое волнение с розсыпью на чистом море, от волнения на отмели и подводниках. По этой причине промышлять бобров в море могут одни только Алеуты, или люди с таким же зрением и глазомером, а Русские, как бы ни сделались искусны в байдарочной езде, никогда не могут быть бобровыми промышленниками*»[57]. Жителям о. Атту такое предложение тоже показалось заманчивым – они были наслышаны о богатстве Командор по рассказам своего тойона

[56] Хлебников, 1979, с. 157.

[57] Вениаминов, 1840, II, с. 341, 345.

Рис. 29. Алеуты в охотничьих костюмах, о. Умнак. Фото В. Иохельсона, 1910 г. (Алеуты, 2014, с. 19)

и его товарищей. Компания же пошла на издержки с переселением, поскольку на Восточных островах популяция каланов была выбита, а на Командорах сохранялись генеративные залежки.

Отношение алеутов к каланам было особенное, не такое, как к остальным животным. Поведение зверьков очень напоминает человеческое, и, согласно древнему фольклорному сюжету, бобры произошли от людей. Считалось, что самочки, как любые женщины, любят украшения и щегольски одетых охотников, поэтому алеуты старались как можно лучше украсить камлейки, байдарки и «стрелки». Чтобы охота была более успешной, с собой брали амулеты *чағаҳ* (в написании Мерка *tschaach*) – вырезанные из дерева или камня фигурки бобров[58].

Это был, скорее, не промысел, а народная забава с элементами сложного ритуала. Между человеком и зверем возникало ощущение вербального общения. Выслеживание и преследование превращались в своеобразный поединок: кто хитрее, внимательнее и проворнее. Традиционно алеуты добывали бобров с байдарок при помощи «стрелок», бросаемых с метательной дощечки. Промысел обычно длился с мая по июнь – сезон, когда реже всего дуют сильные ветры. Подранка легко упустить даже при самом малом волнении[59]. Промысловые партии снаряжали из нескольких лодок. По свидетельству Черепанова, в 1760-х гг. алеуты Ближних о-вов выходили на нескольких одно- и двухлючных (реже

[58] Он же, 1840, II, с. 134; Этнографические материалы ... 1978, с. 81–82; Bergsland, 1994, p. 127.

[59] Шелихов, 1793, с. 139–140; Вениаминов, 1840, II, с. 342, 344.

трехлючных) байдарках[60]. По более поздним рассказам свт. Иннокентия, партия лисьевских алеутов состояла не менее чем из 15 однолючных байдарок.

Дождавшись тихой безветренной погоды, ранним утром алеуты направлялись к заранее намеченному месту скопления животных. Там байдарки выстраивались в длинный ряд, иногда тянувшийся на несколько километров, и начинали «прочесывать» местность. Заметив бобра, охотник подавал условный знак остальным, бесшумно подняв кверху весло. Соседние байдарки подходили и окружали участок, где по расчетам должен вынырнуть зверь, одновременно приводя «стрелки» в боевую готовность. Если расстояние до бобра было приемлемым, ближайший алеут начинал охоту, а если слишком велико, подавал беззвучный сигнал. Тогда байдарки подходили, плотнее сжимая кольцо. Калан выбивался из сил быстрее, чем его преследователи. Если «стрелка» попадала в тело, зверя можно было считать пойманным.

Со временем традиционные «стрелки» были вытеснены ставными сетями и ружьями. В 1893 г. Константин Савич еще застал подобие прежней морской охоты: *«...на охоту стрелами жители выезжают обыкновенно на остающихся байдарках и на шлюпках и, заметив бобра, мечут в него стрелки»*[61]. Лет через семь от нее отказались полностью[62].

Рис. 30. Алеуты в байдарках, рис. Л. Воронина (РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 705. Л. 48)

Зажиточность медновчан конца XIX в. была напрямую связана с наличием бобров. На о. Беринга они встречались реже, а в 1840–1870-х гг. не наблюдалось даже единичных заходов. В середине века животных стало мало и на о. Медном, и лишь после привалов 1873, 1879 и 1893 гг.[63] численность постепенно стала восстанавливаться. Вместе с этим резко возросли доходы островитян.

[60] Черепанов, 1948, с. 116–117.
[61] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 29.
[62] Лех, 1907, с. 16.
[63] Гребницкий, 1894, с. 248.

Бобровая «стрелка» и метательная дощечка

«Стрелками» называли относительно легкие алеутские дротики со съемными наконечниками, бытовавшие на территории Русской Америки в XVIII–XIX вв. Их длина варьировала от 1,2 до 1,5 м – в зависимости от биометрических параметров охотника. Иногда их называют гарпунами и копьями, что не совсем точно. В. Иохельсон еще в 1925 г. дал определение, согласно которому гарпун – это тяжелый метательный дротик со съемной головкой (она легко отделялась от древка), в то время как у копья головка зафиксирована жестко. Головка алеутского гарпуна состояла из наконечника и лезвия, а «стрелки» – из одного только лезвия. Это лезвие также называли «носком», «острием» и «наконечником», они были сланцевые, трахитовые, обсидиановые, позже – металлические (медные или железные). Лезвие «стрелки» свободно сочленялось с утяжеляющей костяной насадкой. При ударе и проникновении в плоть оно легко отделялось от насадки и оставалось в ране. Костяная насадка прочно крепилась к деревянному древку.

Рис. 31. Алеут со «стрелкой»

В алеутском языке было много слов, обозначавших разные типы метательного оружия. Для гарпунов и «стрелок» бытовало общее понятие *иғлаҳ* (*иғалуҳ*). Бобровые «стрелки» могли называть *айақуđааҳ* (*ayaqudaax*, *ajachkutag*)[64] или просто *чӈатум иғлага*.

«Стрелки» метали со специальных дощечек *'асхуҳ* (*hasxuҳ, haasxuҳ*)[65]. За счет специфической техники броска и наличия утяжеляющей насадки траектория полета напоминала таковую у стрел.

Для изготовления древка и метательной дощечки по возможности брали «желтый кедр». Перед тем как использовать, дерево надлежащим образом просушивали и делали заготовки требуемого размера. Выбирали лучшие куски, без трещин, сучков и изъянов.

И стрелки, и метательные дощечки, делали под каждого охотника индивидуально. Их вырезал либо сам промысловик, либо кто-то из признанных островных мастеров. Все промеры осуществлялись не в универсальной, а в биометрической системе (размеры рук и пальцев конкретного человека). «Носок» был длиной в 3 пальца (ок. 8 см, бралась утроенная ширина большого пальца). Длина костной насадки равнялась расстоянию между большим и указательным пальцами плюс длина первого сустава указательного пальца (ок. 21 см). Длина древка – расстоянию от подбородка до кончиков пальцев левой руки, при условии, что голова повернута вправо (ок. 105 см). Чтобы крепление к древку было прочным и надежным, в основании костяной насадки делали V-образный вырез, получался «ласточкин хвост», его глубина равнялась ширине 3 пальцев. Соответствующий конец древка заостряли с двух сторон и совмещали с этим вырезом. Детали склеивали рыбьим клеем (или сукровицей из носа) и фиксировали обмоточным узлом поверх предотвращающего скольжение тонкого берестяного чехла. Чтобы костяная насадка не утонула в случае непредвиденной поломки, ее дополнительно крепили тонким линем, тянувшимся вдоль древка, для этого в ней могли проделывать сквозные отверстия. С противоположной стороны насадки высверливали овальное углубление с плоским дном, по форме напоминающее глаз, оно видно на бобровой «стрелке» МЭК 18969–2. В это углубление вставляли деревянный (реже кожаный) уплотнитель, который разбухал в воде и удерживал уплощенное основание «носка». Древко всегда окрашивали в яркий

[64] Bergsland, 1994, p. 115; Этнографические материалы ... ,1978, с. 81.
[65] Bergsland, 1994, p. 99.

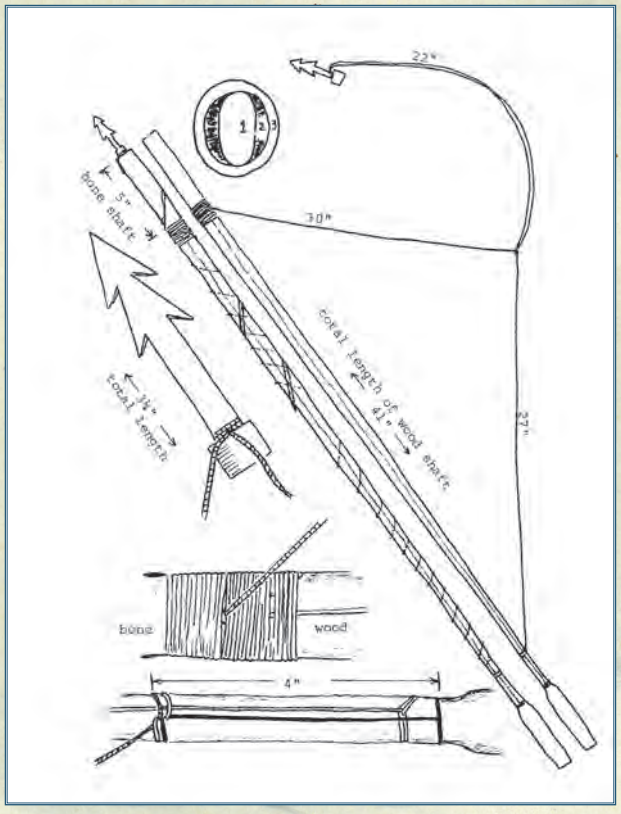

Рис. 32. Модель «стрелки» С. Суворова (Unugulux tunusangin, 1992, p. 149)

красный цвет. Гарпуны и оперенные стрелы для лука алеуты изготавливали по тому же принципу.

Основание некоторых «стрелок» (та часть, которая ложилась в гнездо метательной дощечки) имело необычную форму. Древко сначала немного сужалось, а затем переходило в небольшую уплощенную лопасть. Похожая «лопасть» присутствует на прорисовке модели[66] лисьевского алеута Сергея Суворова (Sovoroff, 1902–1989, с. Никольское, о. Умнак). Сергей был признанным мастером по изготовлению бобровых «стрелок». На командорском предмете МАЭ 2867–1 длина «лопасти» составляет 19 см, у Суворова – ок. 11 см. Возможно, эта деталь является отголоском знаменитых «крылатых предметов» – костяных насадок древнеэскимосских гарпунов[67]. Она должна влиять на аэродинамические свойства дротика.

От прочих «стрелок» бобровые отличались строением маута (линя): на расстоянии примерно 55 см от лезвия он V-образно раздваивался. На модели Суворова конец, идущий к фиксирующей обмотке костяной насадки, имел ок. 76 см длины, а второй, закрепленный в двух точках близ основания лопасти древка, 69 см. Жильные мауты плели из 3, 4 и 6 полос. В боевом состоянии маут был обвит вокруг древка. Как только после броска лезвие закреплялось в теле и отделялось от костяной насадки, маут распускался и разворачивал «стрелку» таким образом, что она становилась поперек направле-

[66] Unugulux tunusangin, 1992, p. 148–149.
[67] Мир арктических зверобоев, 2007, с. 92.

ния движения, буровила воду и тем самым замедляла ход зверя. Если бобр пытался притаиться, замерев в воде и высунув один нос, утяжеленное костяной насадкой ярко-красное древко, как поплавок, предательски поднималось на поверхность и выдавало беглеца. Если охотник промахивался, всплывавшая вертикально «стрелка» была заметна издалека.

Рис. 33. Метательная дощечка и «стрелка»

Метательные дощечки также изготавливались по индивидуальным промерам и подходили только их владельцу. Длину дощечки рассчитывали как удвоенное расстояние между большим и указательным пальцами плюс расстояние от кончика указательного пальца до второго сустава (то есть длина 1 и 2-й фаланг). Ширина равнялась ширине трех пальцев (без мизинца), сложенных вместе. В среднем получалось 49 х 5,5 см. Ширина тех же трех пальцев определяла расстояние от края дощечки до гнезда с фиксатором «стрелки». Маленький костяной или металлический язычок, придерживающий древко, назывался *асхух* – «гвоздь». Длина паза равнялась расстоянию межу разведенными большим и указательным пальцами. Выемки у основания соответствовали форме ладони владельца.

Из рассказа С. Суворова известно, что стороны метательной дощечки окрашивали в разные цвета: тыльную (к ладони) – в черный, лицевую (к стрелке) – в красный. Охотник использовал дощечку, чтобы подавать сигналы остальным. Черный значил «да», «добро», красный – «нет». На музейных предметах следов краски не обнаружено, и сигналы на расстоянии удобнее подавать веслом. Однако такой способ

бессловесного общения между охотником и гребцом вероятен и удобен в двухлючной байдарке. Запас жестов может быть значительно богаче, чем просто «да» и «нет».

На каждой байдарке, вне зависимости от целей похода, обязательно имелись 2–3 простые «стрелки» и одна с пузырем. Во время бобрового промысла с собой брали до 15«стрелок»[68]. После попадания первой простой кидали вторую. Когда калан был смертельно ранен, его загарпунивали «стрелкой» с пузырем, не позволяющей тушке утонуть.

Сохранилось много «стрелок» и дощечек. Они представлены почти во всех музеях, где есть командорская коллекция. Некоторые предметы несут следы бытования. Но в данном случае мы не копировали ни один из них, а делали «биометрические промеры» куклы.

Так наш Алеут получил индивидуальную пару, дощечку и «стрелку», для успешной охоты. Каждый пальчик находится на своем месте: снизу – выемка для большого, сверху – для мизинца и безымянного, а для указательного – отверстие, он придерживает стрелку во время броска.

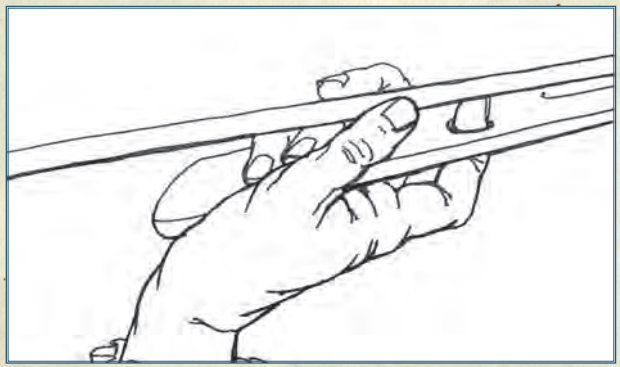

Рис. 34. Метательная дощечка в руке, положение пальцев (прорисовка И. П. Вьюева)

Юноши отправлялись на бобровую охоту с 17 лет, но обучать их начинали с 10-летнего возраста. Учили не всех, а лишь тех, кто проявлял интерес и способности. Морской бобровый промысел можно по праву считать символом алеутского охотничьего мастерства. Наличие «стрелки» у нашего героя говорит о его ловкости, выносливости, незаурядной смекалке и отличной физической форме. И пусть этот способ охоты уходит в прошлое, Алеут отлично изучил повадки зверя, в его «рукаве» припрятаны и другие «карты».

[68] Вениаминов, 1840, II, с. 249

РОМАНТИКА И ТРАГИЗМ МОЛОДОЙ ПАРЫ

Древняя мудрость гласит, что в большинстве предметов, созданных вручную, мастер оставляет частичку своей души. С куклами, особенно портретными, еще сложнее – они «рождаются» сами и как бы направляют руки мастера. В случае с собирательными портретами алеутов эта особенность проявилась особенно ярко. По мере формирования образа все отчетливее вырисовывалась скрытая «история» пары. Целеустремленный амбициозный молодой охотник с о. Медного и сильная, сдержанная, не по годам мудрая девушка. В ее глазах читается рано пережитая боль утрат и готовность принять любые испытания

Рис. 35. Лицо Алеутки

в будущем. Что бы ни случилось, она не дрогнет, не смутится, не заплачет, глаза слезятся лишь от ветра.

В воссоздаваемый период стала актуальной и закреплялась в фольклоре тема брака по расчету. Социальное расслоение среди алеутов было минимальным, но союзы редко заключали спонтанно. Об этом свидетельствуют записи в метрических книгах. Многие семьи предпочитали многократно породниться с близким в этнотерриториальном отношении родом с тем, чтобы впоследствии совместно вести индивидуальный промысел. Под «индивидуальным промыслом» подразумевалась добыча бобровых шкур, не оговоренная в условиях контракта 1871 г. (этот пункт выпал, поскольку на момент заключения договора каланы на Командорах почти не встречались). Для успешной охоты были нужны сети и лодки, которые стоили немалых денег.

В начале 1880-х гг. на смену традиционным кожаным байдаркам и байдарам пришли американские вельботы стоимостью 400–500 руб. и к середине 1890-х вытеснили их полностью[69] (одновременно стала уходить морская охота при помощи «стрелок»).

В других семьях родители сулили дочерей состоятельным приезжим. На фоне новых экономических реалий получила распространение тема несчастной любви. Проблема в первую очередь затронула медновчан. На нее наслоился древний сюжет о превращении брата и сестры в бобров.

Алеуты *«любят приравнивать себя к бобрам, особенно в отношении половой жизни»,* – подметил в XIX в. Н. Беклемишев[70]. В конце XX в., на памяти автора этих строк, промысловики старшего поколения иногда сравнивали себя с бобрами (к тому времени в общественном сознании произошли изменения, и на смену относительно нежным каланам пришли брутальные секачи).

Как и калан, алеут на берегу «вял, ленив, неуклюж», но совершенно преображается на воде во время промысла. Как и у людей, у каланов ярко выражен индивидуальный характер. Некоторые зверьки во время летнего сна на суше лежат на спине, прикрыв глаза передними лапами. Другие ложатся на бок и подкладывают лапы под щеку. Иные любят музыку и под понравившиеся мотивы кувыркаются в воде до тех пор, пока не смолкнут звуки[71].

[69] Гребницкий, 1882, с. 9; Суворов, 1912, с. 230.
[70] Беклемишев, 1884, с. 13.
[71] Барабаш-Никифоров и др., 1968, с. 68–69.

Каланы умеют использовать примитивные орудия: поднимают со дна камень, кладут себе на брюшко и разбивают о него двустворчатых моллюсков[72]. Бобры, как люди, размножаются в течение всего года и приносят по одному, редко по два малыша. Срок вынашивания плода также сопоставим с человеческим. Брачные игры сопровождаются поглаживаниями лапками, «кокетством» самочек и галантными ухаживаниями кавалеров.

Не менее трогательны материнские качества. Лежа на спине, самка держит передним лапами детеныша, вычесывает его и плещет водой. Иногда она дает погрызть «пустышку» из кремниевой водоросли, а порою шлепает не в меру расшалившееся чадо. Наблюдатели видели самок с новорожденным медведком и плавающим рядом годовалым кошлаком, по одной из версий это «усыновленные» щенки.

У бобров очень развит инстинкт взаимопомощи: медновчане утверждали, что «*смерть детеныша вызывает слезы на глазах матери и звуки подобные рыданию <…> Если вблизи убитаго ружьем бобра на воде был другой, то в большинстве случаев этот второй утягивает убитаго вниз и изчезает с ним; вынурнув, где нибуть далеко, держит еще товарища в зубах*»[73]. Выражение «слезы на глазах» следует расценивать как неточность перевода, остальные поведенческие особенности отмечали и другие исследователи. Не менее впечатляет и крик калаченка – он невероятно похож на охрипший плач младенца. На фоне сказанного становятся понятны многочисленные антропоморфизмы и долгая жизнь постоянно трансформирующейся сказки о происхождении бобров.

Медновские алеуты Георгий Андреевич Ладыгин (1904–1964) и Илларион Павлович Хабаров (1911–1976?) рассказывали красивую печальную историю о двух влюбленных. Действие развивалось на о. Медном. Девушка из зажиточной семьи и юноша из скромной полюбили друг друга. Когда родители запретили дочери связывать жизнь с бедняком, молодые взялись за руки и бросились с утеса в море. По другой версии их разлучили, и они бросились в море с разных утесов. Незначительных вариаций было довольно много[74].

[72] Такая модель поведения описана для калифорнийской популяции, что не отрицает вероятности появления навыка у командорских каланов.

[73] Лех, 1907, с. 4–5.

[74] ПМА: Э. И. Гребзде, 6.08.2017; В. Т. Тимошенко, 27.07.2015; Г. М. Яковлев, 5.07.2015.

«Легенда о бессмертной любви» в изложении Э. Зубковой

Весной 1966 г. «Легенда о бессмертной любви» в художественной обработке Э. Зубковой была опубликована в районной газете «Алеутская звезда»:

«Давным-давно остров был другим: высокая сочная травя в человеческий рост волновалась, как море, зеленым блеском вспыхивали в ней солнечные лучи, играли зайчиками на лицах двух влюбленных.

Они часто уходили любоваться пленительным видом родного кусочка земли. У них была своя сопка. Они видели отсюда нескончаемый ковер цветов и то, как море выпивает огромное огненное солнце у самого горизонта и как рождаются звезды. Когда прятала ночь все это в себе, они брались за руки и спешили домой.

А утром снова щурились ласково солнцу, любовались двумя морями: синим и зеленым. Казалось, что они дети природы. Недаром же его волосы переливались голубизной моря, а ее глаза сверкали золотом солнца.

Но однажды на сопке не стало второй фигурки. Вот уже желтое солнце утонуло в волнах, вот уже вспыхнули на небе яркие огоньки, а там все стоял одинокий человек.

На рассвете не взошло солнце, посерело небо, грустя, завыл сердито ветер и заплакал юноша, не дождавшись своей любимой.

Плакала и девушка, сидя в холодной, темной комнате. Туда заключили ее родители. Не знали они, что без любви умирает жизнь. Велика была печаль девушки: даже избушка согнулась и открыла ей двери от сострадания.

Юноша и девушка долго смотрели друг на друга и решили лучше умереть вместе, чем жить врозь. Обнялись они крепко и бросились в бешеную пену волн. Еще сильнее завыл ветер, застонала земля, заплакало небо большими прозрачными каплями. Потом все стихло.

А у берега появились два зверька. Таких красивых еще никто никогда не видал. Их шерсть переливалась всеми цветами радуги. И только тот, кто знал двух влюбленных, мог узнать в них и небо, и звезды, и море, их глаза, их волосы.

Прошло много лет. О юноше с девушкой почти забыли, зверьков назвали каланами. Но только плавают они все так же неразлучными парами, все так же красивы. Значит, не умирает любовь»[75].

[75] Зубкова, 1966.

Песня сватовства *«Йагнанасим асхинуған»*

Сказка о происхождении бобров эмоционально перекликается с известной командорской песней *«Йагнанасим асхинуған»* («Любимая доченька»). Песня обыгрывает тему сватовства. Родители выдают замуж любимую доченьку и желают ей благополучия, а жених подтверждает искренность своих намерений.

Йагнанасим асхинуған

[Родители]: *Йагнанасим асхинуған ал қинуғиҙана.*

Йагнанасикуҙа ал йахтанан ачғитақан.

[Жених]: *Икунаđаҙал укулка đакин таңалғитакуқ.*

[Жители села]:*Уҳтақан и имис иđалғақаҳ?*

Рис. 36. Алеутские песни. Поют В. Т. Тимошенко, Е. М. Степнова, В. М. Кияйкина, аккомпанирует Г. М. Яковлев, 2003 (фото Татаренковой)

[Жених]: *Агача ил'а кум. Алтаканан анухтақан.*

[Родители]: *Йагнанасикуӡа ал йахтанан ачғитақан.*

Йагнанасим асхинуған ал қинуриӡана.

Текст можно перевести следующим образом:

[Родители]: *Любимая доченька, самая младшая.*

Самая дорогая, самая любимая.

[Жених]: *Я увидел ее и полюбил до слез.*

[Жители села]: *Ты хочешь, чтобы она была твоею?*

[Жених]: *Да, именно так. Я все время думаю о ней.*

[Родители]: *Любимая доченька, самая младшая.*

Самая дорогая, самая любимая.

Слова песни и перевод были записаны под диктовку В. Т. Тимошенко (урожденной Ладыгиной, 1927 г.р.)[76]. Были в ней и другие куплеты. Один из них Вера Терентьевна смогла вспомнить частично: «*Камгам улаған ил'а укулка* <…> *Уйулим қумачхуда чуҳтанах*». Это слова жениха, как он впервые увидел ее в церкви, на ее плечи был накинут белый платок.

Иногда исполнители наделяли песню особым смысловым подтекстом: избранник девушки живет на соседнем острове, и родители против этого союза – они нашли более подходящего, «выгодного», но не любимого жениха. Тогда уже песню пели влюбленные. Местная история гласит, что юноша поднимался на высокую Преображенскую сопку о. Медного, и ветер доносил преисполненные чувств слова до сердца любимой, ожидавшей его на соседнем о. Беринга. Рассказывали, что такие романтические отношения связывали Михаила Илларионовича Бадаева (1902–1950) и Марию Аркадьевну Григорьеву (1912–1983). Впрочем, их история закончилась счастливо: они поженились и вырастили замечательных детей.

Похоже, и наши герои переживают нечто похожее. Девушка в традиционной «венчальной» шали ждет на о. Беринга. Она всматривается в даль, скрывая чувства, но в душе еще не угасла надежда. А юноша преисполнен решимости: ему нужно стать успешным охотником, построить дом и доказать состоятельность семье возлюбленной. Он один из немногих, кто владеет навыком метания «стрелки», знает повадки бобров и не боится океана. Птицы и облака указывают ему путь, и он непременно добьется своего.

[76] ПМА: В. Т. Тимошенко, 08.11.2015.

ЗА КАДРОМ: ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Создание кукол – это своего рода «вершина айсберга». Основная часть работ зрителю не видна. Это и многолетний сбор информации в библиотеках и архивах, и переводы текстов с различных языков (английского, немецкого, польского, латыни и др.), и расшифровка рукописей XIX в., и скрупулезная работа с музейными предметами. Все командорские изделия, за исключением хранящихся в музеях Соединенных Штатов, были изучены автором статьи лично – каждое перышко, каждый стежок. Помимо указанных, исследовано большое количество сопутствующих коллекционных предметов. Они давали ответы и подсказки, но в нашем случае остались «за кадром».

Рис. 37. И. П. Вьюев за работой (фото И. А. Липилиной)

Вслед за этим были сделаны первые шаги по пути исторической реконструкции предметов. Настоящей реконструкции, не имитации.

Реконструкция бобровой «стрелки» и метательной дощечки И. П. Вьюевым

Прежде чем составлять техническое задание для Екатерины по изготовлению модели бобровой «стрелки» и метательной дощечки к ней, нужно было понять принцип работы этой пары. Бросок двух «стрелок» запечатлен на гравюре с рисунка Луки Воронина[77] – «рисовальных дел мастера» академического отряда экспедиции Сарычева. Рисунок мог быть сделан в 1791–1792 гг., когда отряд изучал Алеутские о-ва. Позже, в период между 1818 и 1825 гг. в «Атласе к полному собранию ученых путешествий по России» был опубликован эстамп с гравюры А. Г. Ухтомского «Алеут в байдарке».. Составляя изображение, Ухтомский опирался на рисунки упомянутой экспедиции и коллекционные предметы, находившиеся в Кунсткамере.

Начальный момент броска также запечатлен в моделях байдарок конца XIX в. Из многочисленных музейных предметов только четыре фигурки сохранили и дощечки, и «стрелки» (последние повреждены). Это сборы И. Г. Вознесенского 1843–1844 гг. на о. Св. Георгия и Алеутских о-вах (МАЭ 571–84,85 и МАЭ 2868–210) и неизвестного коллекционера XIX в. на Алеутах (МАЭ 4104–35)[78]. Ни одна командорская модель не дошла до наших дней в достаточной сохранности. Судя по положению рук, в двухлючных байдарках ИОКМ 95 (сбор Гребницкого 1882 г.) и ХКМКП 1116 (конец XIX в.), 1-й алеут кидал «стрелку», а 2-й греб, но ни стрелки, ни весла не сохранились. В двухлючной байдарке МЭК 18988 (сбор Дыбовского 1879–1883 гг.) 1-й алеут кидал «стрелку», но предметы из его рук утрачены, сохранился лишь разобранный чируч возле 2-го седока и комплект дополнительных «стрелок». В однолючной байдарке МАЭ 313–48 (сбор Гребницкого, поступл. 1891 г.) в руках охотника сохранилась «стрелка», но утрачена дощечка. В двухлючной байдарке МАЭ 313–49 в руках 1-го седока, вероятно, был гарпун, и он утрачен.

[77] РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Ед. хр. 705. Л. 48.
[78] Алеуты, 2014, с. 142, 143, 148, 156.

Рис. 38. И. П. Вьюев с первой дощечкой (фото И. А. Липилиной)

Тем не менее, рисунки и предметы дали общее представление, как правильно держать копьеметалку и придерживать «стрелку». К тому же большинство метательных дощечек, особенно бывших в употреблении, сами ложатся в ладонь, поскольку сделаны с учетом анатомических особенностей руки. Сложнее было разобраться с техникой броска, поскольку язычок *асхух* лишь слегка придерживает конец довольно длинного дротика.

Найти ответ на этот и другие сопутствующие вопросы взялся И. П. Вьюев (1944 г.р., Москва) – выпускник МСХШ и МГХПУ им. С. Г. Строганова, член МОСХ, искусствовед, скульптор, художник-прикладник, член историко-просветительского общества «Русская Америка», в про-

Рис. 39. Метательные дощечки, реконструкция И. П. Вьюева (фото И. А. Липилиной)

шлом член Союза художников России. В 1986–1992 гг. Илья Павлович жил и работал на о. Беринга. Там он организовал Алеутский культурный центр, был его директором и занимался изучением предметов материальной культуры алеутов и других северных народов. После возвращения в Москву он не оставил тему и в общей сложности посвятил ей более 30 лет. В косторезной мастерской АКЦ, работая в жанре мелкой пластики, Вьюев создал методический фонд – художественную подборку из кости, дерева, камня и других природных материалов. Часть предметов этого периода хранится на острове в Алеутском музее. В Камчатском краевом объединенном музее также имеется небольшая коллекция. Также мастер известен как автор скульптурной галереи «Герои Русской Америки», скульптуры «Капитан-командор Витус Беринг» (установлена в с. Никольском в 2016 г.), скульптуры «Г. В. Стеллер» (на о. Беринга с 2016 г.) и серии рельефов «Исследователи Командорских о-вов».

В начале апреля 2020 г. по просьбе автора этих строк Илья Павлович вырезал первую метательную дощечку. Промеры он делал по своей руке. Всего было изготовлено три копьеметалки: из разных пород древесины, разной толщины и с отличающимися отверстиями и нишами для пальцев.

Затем резчик собрал две «стрелки». Первая – демонстрационная. Она в точности повторяет алеутскую: имеет костяную утяжеляющую насадку и металлическое лезвие традиционной формы. Вторая создана из современных дешевых материалов для отрабатывания навыка броска. Кость заменена на плотную пластмассу, лезвие – на расплющенный заточенный гвоздь.

В мае провели испытания. Первые попытки не удались: «стрелка» вертелась, крутилась, втыкалась в землю, летела хвостом вперед. Лишь с приобретением опыта она «запела» и устремилась точно в цель в 25–30 м. Звук, издаваемый ею, похож на звук полета стрелы при стрельбе из лука. Следующим этапом стала отработка навыков броска. Задача оказалась вполне осуществимой. Траектория полета «стрелки», как и ожидалось, сопоставима с таковой у стрелы: она ни разу не упала плашмя и всегда втыкалась острием в землю или в намеченную цель – основание дерева.

Основные ответы были найдены: 1) странный дуэт дощечка-дротик работает; 2) кидать с метательной дощечки довольно удобно, если освоить технику броска; 3) *асхуӽ* мягко придерживает «стрелку», не мешает и не обламывается

Рис. 40. Первый полет возрожденной «стрелки» (фото И. А. Липилиной)

при броске; 4) силы пальцев хватает, чтобы удержать «стрелку» и бросить ее в цель. Но вместе с тем возникли новые вопросы: что будет, если менять длину и толщину древка и утяжеляющей насадки? Какие виды древесины и кости приемлемы? Для чего служат черные полосы, окольцовывающие некоторые оригинальные «стрелки»? Для чего нужна лопасть на древке? Какие материалы подходят для изготовления маута и можно ли менять его длину? И главный – как метали стрелки, сидя в неустойчивой байдарке? При раскачивании на волнах процесс должен выглядеть иначе.

Поскольку разбирать музейные предметы нельзя, а реконструктору требуются детальные промеры, остается только экспериментировать. В настоящее время две стрелки (демонстрационная и рабочая) и три метательные дощечки под разный размер руки находятся на Камчатке. Работа над реконструкцией алеутского метательного оружия продолжается.

Алеутский шов и алеутская нить

В описании большинства музейных предметов алеутской одежды сказано, что детали сшиты «жильными нитями», «жилами», а то и «китовым усом». В большинстве случаев эти определения, сделанные по аналогии с другими народами, неверны.

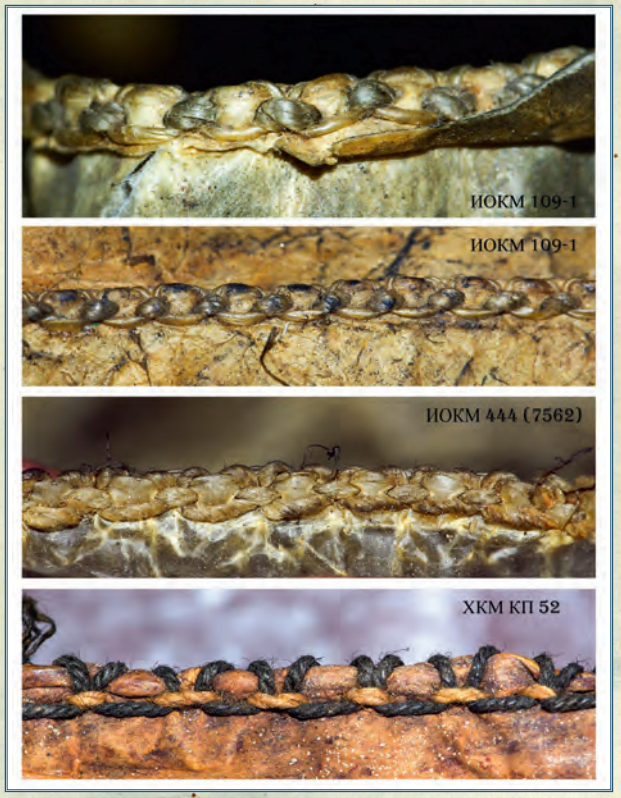

Рис. 41. Алеутский шов на командорских предметах конца XIX – начала XX вв. Нити кишечные, жильные и гарус

«Жилами» не шили в принципе. Сухожилия животных сначала расщепляли на мелкие волоконца, а затем сучили нить нужной толщины. Процесс был трудоемким, но жизненно необходимым. К. Мерк так описывал этот процесс: *«обычно вместо ниток употребляют жилы, которые они вытягивают из спинной части кита. Жилы чаще красноватого цвета с пересекающимися белыми прожилками»*[79]. Жилы извлекали из хвостовой части как крупных китов, так и более мелких китообразных. Они служили для собственных нужд островитян и одновременно являлись меновым товаром. В 1880-х гг. жилы, снятые на о. Беринга с взрослого финвала, были оценены приблизительно в 80–90 рублей[80]. Помимо ниток, из жил делали гужи на кляпцы, мауты и прочие «плетешки», в том числе для изготовления чиручей и сетей для ловли птиц. Для рыбалки жильный линь не подходил – при намокании он сильно растягивался, а стоил очень дорого.

Жильные нити были прочными и тоже высоко ценились. Но была проблема – острый недостаток сырья. Если оленеводы использовали жилы со спины копытных и всегда имели их в шаговой доступности, то жильный запас алеутов зависел от везения – жители лишь некоторых островов имели возможность охотиться на китов, большинство же, в том числе командорцы, использовали биоматериал выброшенных на берег животных. Поэтому жилы завозили с Камчатки. Прочные нити служили

[79] Этнографические материалы ..., 1978, с. 64.
[80] Stejneger, 1885, s. 243.

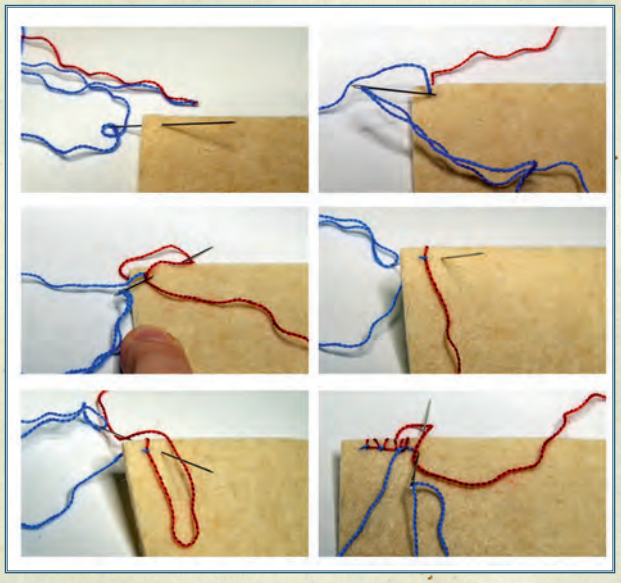

Рис. 42. Последовательность движений при алеутском шитье

для сшивания байдарок, где швы требовали повышенной крепости и надежности. Более тонкие использовали для сшивания обуви – торбасов и бродней.

Поскольку жил хронически не хватало, им нашли частичную замену. Для пошива кишечной одежды вместо жильных стали использовать кишечные нити. Кишки морзверя (котика, сивуча, нерпы) нарезали тонкими полосами, смачивали, слегка скручивали и продевали в иглу. Автор этих строк сам использовал описанный прием. Делать кишечные нити и работать ими намного легче, чем жильными. Для камлеек и лафташнов они достаточно прочны.

Алеутский шов отличается от швов других народов Берингии. Шили одновременно двумя нитями. Иногда они были одного цвета, иногда – с легким градиентом, толщина тоже могла отличаться. Тогда шов делался не только прочным, но и нарядным. В иглу вдевали только одну нить, вторая обвивалась вокруг нее «восьмеркой», как делает челнок во время машинного шитья. В результате получался аналог фигурной машинной строчки. Шов делали как изнаночным, так и внешним. При попадании влаги кишечные нити разбухали и делали, казалось бы, рыхлый шов водонепроницаемым.

Другой распространенный шов можно сравнить со сметочным, но стежки обычно мелкие и частые.

ВОЗМОЖНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ – ШАПКА САЛИГУХ

Со временем экспозиционные залы заповедника будут пополняться новыми экспонатами. В их числе может оказаться алеутская мужская шапка *салигуҳ* (шалигу), а возможно, даже композиция из трехчетырех таких предметов, иллюстрирующая их разнообразие и эволюцию.

В отличие от деревянных козырьков, которые надевали во время плавания на байдарках, кожаные шапки шили специально для игрищ. Бубны, *салигуҳ*, *силиитиҳ* и нарядные птичьи парки были неотъемлемой частью праздника *Қаҕанадаҳ*. Самое раннее упоминание об этих«особых» шапках можно встретить у К. Мерка: *«спереди высокие и обильно украшенные козьей длинной шерстью»* (см. с. 29, 30). Скорее всего, танец 1791 г. носил ритуальный характер, был обращен к духам или изображал их.

Святитель Иннокентий, прибывший на Уналашку в 1823 г., уже не застал ничего подобного: *«В прежния времена была еще в употреблении круглая шапочка, сделанная из нерпечьей кожи, вышитая оленьею шерстию, с длинною косою из ремешков назади и с вышитым языком на переди. Шапки эти употреблялись только при плясках; и ныне никто их не имеет»*[81]. Манера шитья у восточных и западных алеутов отличалась, «козью шерсть» заменяли другим длинным волосом, варьировала форма тульи. Но нет сомнений, что речь идет об одних и тех же предметах.

[81] Вениаминов, 1840, II, с. 219.

В алеутском языке сохранились два слова, обозначающие кожаные шапки. В песенном фольклорном сюжете, записанном в 1952 г. на о. Акутане Гордоном Маршем (G. H. Marsh)[82], старуха взяла сына Ворона и превратила его в (шапку) *камлаагуӽ* (*kamlaaguӽ)* для себя. Эта история интересна, но в других источниках не повторяется. Другое слово, *салигуӽ (saliguӽ, «шалигук»)*, было распространено на всех островах[83]. Его этимология неясна, единственный созвучный глагол переводится как «мездрить», «скрести шкуру». В повседневной жизни алеутские мужчины ходили с непокрытой головой или пользовались капюшоном. Поэтому, впервые увидев не расставшихся с головными уборами казаков, они стали называть их *салигугин* (ед. ч. *салигугиӽ*, «шалигугик»), то есть «шапошники»[84]. Это определение закрепилось за русскими на двести лет. Но почему внимание привлекли именно высокие шапки? Не цвет кожи, не огнестрельное оружие, не корабли… Возникает едва уловимая связь: с одной стороны, ритуально-сценические *салигус* появились задолго до прихода европейцев и были так или иначе связаны с культом поклонения духам; с другой, первопроходцев первые годы называли не «шапошниками», а «духами», «нечистой силой». Быть может, разгадка лежит в этой плоскости, и мифические существа *чалакакас* (ед. ч. *чалакакаӽ, chalakalaӽ*) ушли от *салигус* не так далеко?

Вопросов к внешнему виду кожаных шапок не меньше, чем к их названию. Считается, что они изображали уток. Действительно, в каждой из них можно разглядеть «тело», «хвост» и «шею», изгиб которой имитирует «голову». Отношение к утиным у алеутов и других народов Северной Пацифики было особенное. Согласно тлинкитской легенде, женщина, надевшая шкуру большой утки, получила способность плавать по морю[85]. У восточных алеутов существовало понятие *ugduӽ* – магическая личина: *«шкуру зверя или птицы надевали, чтобы перевоплотиться в это животное»*[86]. Служили ли *салигус* для духовного перевоплощения? По всей видимости, они таят намного больше секретов, чем может показаться на первый взгляд.

[82] Bergsland, 1994, p. 228.
[83] Он же, 1994, p. 349; Dybowski, 1885, s. 22.
[84] Вениаминов, 1840, III, с. 19; Он же, 1846, с. 71.
[85] Он же, 1840, III, с. 41–42.
[86] Bergsland, 1994, p. 417 (из словаря В. Иохельсона).

Шапки, сшитые из птиц

Помимо деревянных промысловых козырьков и кожаных сценических шапок у алеутов был третий тип необычных головных уборов. Сохранились ранние свидетельства о том, что некоторые островитяне использовали цельные птичьи шкурки.

Так, тобольский посадский Иван Соловьев, ходивший в 1764–1766 гг. на боте «Св. Петр и Павел» к Лисьим островам, в своем пространном отчете отмечал, что некоторые восточные алеуты носят повседневные шапки из пестрых птичьих шкурок, на которых частично сохранены крылья и хвост[87]. Точно такое же описание можно встретить в книге рыльского купца Григория Шелихова, основателя Российско-Американской компании. Заметки были сделаны после похода 1783–1787 гг., только относятся эти слова не к алеутам, а к эскимосам алютик о. Кадьяка: *«Некоторые носят шапки из пестрых птичьих кож, у которых оставляют отчасти крылья и хвост. У обыкновенных их шапок, в которых ходят на рыбную ловлю и звериной промысел, торчит в переди не большая досечка, украшенная коренными зубами Сивучей, или пронизками, у Россиян вымененными. Во время же праздников своих носят они лучшия шапки»*[88].

Другое описание мы находим в книге Иоганна-Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», впервые изданной в 1799 г.: *«Зимой носят шапки из шкурок пеганок, которые сдирают и высушивают так, что голова проходит в брюхо птицы, причем ее шея, крылья и хвост остаются по-прежнему на своих местах. Наивеликолепнейшие их перяные шапки делаются из пеганок. Вместо шеи приделывают состоящую из сложенной вдвое кожи, шириною пальца два, упругую полоску, которая внизу и вверху распещрена мелким шитьем, а по краям выложена волосяною бахромою длиною в перст. Вместо птичьей головы прикрепляют они к таковой кривулине нижнюю песцовую челюсть. Полоса сия простирается через всю спинку птицы и придает шапке упругость. Она и на спинке вышита и бахромой обложена»*[89]. К сожалению, Георги не указывает, кто, где и когда носил эти замечательные головные уборы.

[87] Coxe, 1780, p. 151: «Their dress consists of a cap and a fur-coat, which reaches down to the knee. Some of them wear common caps of a party coloured bird-skin, upon which they leave part of the wings and tail.On the fore-part of their hunting and fishing caps they place a small board like a screen, adorned with the jaw-bones of sea-bears, and ornamented with glass beads, which they receive in barter from the Russians. At their festivals and dancing parties they use a much more showy sort of caps».

[88] Шелихов, 1793, с. 154–155.

[89] Георги, с. 366.

Рис. 43. Ритуальная шапка с Андреяновских о-вов, конец XVIII в. (МАЭ 4104–9: Алеуты, 2014, с. 356–357)

Этих описаний и сохранившихся музейных шапок западных и восточных алеутов достаточно, чтобы сложилось общее представление об эволюции предмета от примитивно обработанной птичьей шкурки до вычурного атрибута зимних игрищ. Подытожим полученные сведения: 1) «обычные» и праздничные шапки могли шить из цельной утиной шкурки; 2) в «обычных» мужчины ходили на прибрежный промысел, это обстоятельство заставляет исключить головной убор из разряда повседневных и отнести, скорее, к камуфляжу; 3) на изготовление «простой» шапки требовалось минимум усилий, принцип снятия шкурки понятен каждому таксидермисту; 4) нарядная шапка из цельной утиной шкурки являлась промежуточным звеном между «обычной» птичьей и праздничной кожаной западных алеутов; 5) у восточных алеутов кожаные шапки отражали «утиную» тему более абстрактно, чем у западных.

В каталоге алеутской коллекции Кунсткамеры приведено упоминание о снимке 1910–1912 гг., сделанном на Уналашке. Фотография приведена в статье Берремана «Aleut shamanism in the twentie thcentury?». На ней запечатлен алеут Исидор Соловьев в парке, с бубном и колотушкой в руках. На голове красуется убор из шкуры чайки: с сохраненным опереньем, крыльями и головой[90]. Сложно судить, с какой целью был сделан этот снимок. Он нетипичен и создает ощущение постановочного.

Отсутствие повседневных головных уборов всегда вызывало много вопросов. Однако факт остается фактом.

[90] Алеуты, с. 361, ссылка на: Berreman G. Aleut shamanism in the twentieth century? An assessment of evidence // To the Aleutians and beyond. Anthropology of William Laughlin. Ed. B. Frohlich, A. Harper, R. Gilberg. – Copenhagen, 2002. P. 28.

Следующий вопрос, на который так и не найдено однозначного ответа, какую птицу на территории Русской Америки называли «пеганкой»? Р. Г. Ляпунова считала, что это пеганка хохлатая *Tadorna cristata*[91]. Но утверждение ошибочно, поскольку ареал данного вида не простирается севернее Сахалина. Из народного названия следует, что утка пегая, пятнистая. Крупных пятнистых уток было несколько. Наряду с «пеганкой» большой популярностью пользовалась «пестряк» («пистрак»).

На Командорах пестряком называли гагу. Причем медновские алеуты подразумевали гагу тихоокеанскую *(Somateria mollisima* v. *nigrum)*, а беринговские – сибирскую *(S. stelleri)*[92]. Различие обусловлено тем, что более крупная *S. mollisima* гнездилась на о. Медном, а у берегов о. Беринга с октября по апрель зимовала «замещающая» ее *S. stelleri*. Слово «пестряк» было распространено по всей территории Русской Америки и упоминается во многих источниках. Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что «пеганка» – не гага.

Другой очень популярной и почитаемой птицей была гагара. В Хабаровском

Рис. 44. Тихоокеанская гага (фото Ю.Б. Артюхина)

музее сохранилась шкурка молодой краснозобой гагары *(Gavia stellata),* снятая и подшитая таким образом, что вполне могла служить шапкой (на ней даже сохранились завязки). Первичная этикетка была утрачена, и предмет атрибутирован как «тунгусский» (ХКМКП 2749). Сложно сказать, откуда и когда он поступил, но можно предположить, что шкурки крупных уток могли служить простейшими охотничьими головными уборами для целого ряда дальневосточных народов.

[91] Ляпунова, 1975, с. 189.
[92] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

Рис. 45. Сибирская гага (фото Ю. Б. Артюхина)

Рис 46. Краснозобая гагара (фото Ю. Б. Артюхина)

У многих из них, в том числе у коряков, гагара по сей день считается охранительницей.

Краснозобая гагара гнездится на обоих Командорских островах. Но вопрос об ее роли в алеутской культуре остается открытым. Есть основания полагать, что именно ее образ прослеживается в ритуальных предметах. Алеуты называли птицу *ҕаҕаҳ* (*qaqaҳ, qaqagiҳ, qiquҳ, qigugiҳ*), и этим же словом, *ҕаҕаҳ*, обозначали несколько ключевых элементов в носовой части байдарки: 1) длинную узкую щель в форштевне (между штевнем и дабл-штевнем или штевнем и кильсоном – в зависимости от конструктивных особенностей лодки), напоминающую раскрытый клюв гагары, когда птица шипит и вытягивает шею понад водой; 2) соединение «шпорой» в этой же части лодки и 3) некое шнуровочное отверстие в планшире[93]. Семантическая связь между гагарой и алеутской лодкой очевидна, достаточно понаблюдать за бесшумным плавным скольжением по водной глади как первой, так и второй. Роль охранительницы тоже понятна: ни одна другая утка не защищает свое гнездо так же истово, как гагара.

[93] Bergsland, 1994, p. 311, 321, 586: «slit in bow of baidarka; joint by heel in baidarka; hole drawstring (comes out of gunwale)».

Реконструкция шапки *салигух*

Утверждение свт. Иннокентия, что *салигух* вышла из употребления до 1820-х гг., звучит довольно неожиданно. Можно предположить, что ритуально-сценическая шапка была предназначена для общения с духами, и после образования православного прихода культ перестал афишироваться. А позже, вместе со сменой поколений, предмет перешел из разряда ритуальных просто в сценический.

Так или иначе, на Командорах этот своеобразный головной убор шили до конца 1880-х гг. Последнюю шапку, выполненную по упрощенной схеме, в 1891 г. сдал в Общество изучения Амурского края[94] Н. М. Тильман. В 1957 г. предмет был передан в Камчатский краеведческий музей и с тех пор украшает основную экспозицию (ККМГИ 11306). Еще две шапки того же года поступления хранятся в фондах Кунсткамеры (МАЭ 313–68 и 313–70), это предметы «собрания цесаревича Николая Александровича». Наследнику престола передали командорскую коллекцию в 1891 г., когда он путешествовал по странам Востока. Сам Николай II Командоры не посещал. Сбором предметов занимался управляющий Н. А. Гребницкий. Более ранние сборы хранятся в Иркутске (ИОКМ 109–2) и Вашингтоне (NMNH E 73027). Шапка из коллекции Дыбовского была утрачена.

«Шапка Тильмана» (ККМГИ 11306) выполнена тем же мастером, что и № 313–70 собрания МАЭ. Обе по форме и манере исполнения напоминают головной убор МАЭ 4104–9[95], только последний на сто лет старше. Оба изделия воспроизводят очертания птицы. Тулья изображает «туловище»: сильно сужающийся к затылочной стороне бортик увенчан обратнояйце-

Рис 47. Командорская сценическая шапка (ККМГИ 11306)

[94] Позже на базе коллекционного фонда Общества изучения Амурского края был создан Приморский музей им. В. К. Арсеньева.
[95] Алеуты, 2014, с. 356–357.

видным усеченным донышком. По бокам пришиты два кожаных ремешка-завязки. «Хвост» представлен бахромой из длинных кожаных ремешков. «Шея» более раннего предмета имеет форму длинного декорированного языка, идущего вдоль тульи вперед и вверх. По его краям закреплены пучки оленьего (?) волоса. Командорская шапка сильно упрощена: нарядная полоса укорочена и не тянется вдоль донышка, вместо этого поверхность тульи украшена примитивной аппликацией в виде черно-красных лепестков. «Шея» закреплена в лобной части. К ней пришиты круги и полоски тех же черного и красного цветов, грубо имитирующие традиционную ложную вышивку. Это единственная командорская шапка, где отсутствует волос.

Самой ранней из сохранившихся является «шапка Гребницкого» (ИОКМ 109–2). Она несет все или большинство традиционных черт, характерных для данного атрибута. Шапка сшита в форме чепца из окрашенного в черный цвет цельного лоскута – предположительно, горловины сивуча. Имеется внутренняя подкладка из клетчатой хлопчатой ткани. «Шея» представляет собой окрашенную в красный цвет полосу 50 см длиной и 4,8–4,9 см шириной. В двух вышеописанных шапках жесткость

Рис 48. Командорская ритуальная шапка (ИОКМ 109–1: Иркутский областной краеведческий музей, 2003, с. 94)

накладке придавала пластина из китового уса, в данном случае внутрь вставлена тонкая изогнутая деревянная форма. Полоса покрыта ложной вышивкой: наложением синих, красных и черных кишечных полос, оплетенных тонкими белыми кишечными полосками (предположительно, «калашки») и подшитыми жильной нитью. Нижняя часть «шеи» повторяет контур чепца, верхний край слегка загнут вперед, имитируя голову. «Голову» обрамляют вшитые по краям пучки конского волоса 30–40 см длиной. 30-сантиметровый «хвост» сделан из кишечной полосы, распущенной на узкие тесемки.

«Шапка Стейнегера» (NMNH E 73027) по стилю и времени изготовления близ-

ка к «шапке Гребницкого», но выполнена из шкуры котика, не содержит ложной вышивки и имеет менее выраженные изгибы. Предмет был вывезен с о. Беринга в 1883 г.

Все пять командорских шапок имеют общие черты. Это наличие поднимающейся (в ранних вариантах изогнутой) нарядной языковидной «шеи» и длинного «хвоста» из разноцветных кишечных тесемок. В четырех из пяти случаев «голова» украшена длинными прядями волос животного происхождения. Шапки из собрания МАЭ декорированы белыми перышками брачного наряда баклана, золотистыми топорковыми «косицами», перьями чайки и, возможно, ворона, а также разноцветным гарусом. Одни сделаны в форме чепца, другие имеют тулью. В качестве основного пошивочного материала в одном случае использовалась горловина сивуча, в остальных – шкура тюленя, котика и нерпы. Жестких требований к орнаменту не наблюдается, предпочтительными цветами являются красный, тяготеющий к терракотовому и синий – к индиго.

Изучив вариативность признаков, в 2019 г. автор статьи реконструировал командорскую *салигух* в современных материалах. До этого момента воссозданием шапок западных алеутов никто не занимался. Сценический вариант, заказанный в 1980-х гг. хореографом Вячеславом Ниловым для ансамбля «Унанган», больше напоминал восточные образцы, но даже от них был далек.

Основной задачей было создание не визуальной копии, а осмысление семантической нагрузки самого объекта и каждой из его деталей. Алеуты не консервативны, при отсутствии какого-либо материала они легко заменяли его на другой. Поэтому в этом смелом эксперименте вместо шкуры или горловин морзверя был использован фетр телесного цвета; вместо жильных нитей – хлопчатобумажные и шерстяные с примесью синтетических волокон; вместо лошадиного волоса – искусственный парик; вместо «косиц» топорка и белых перышек баклана – гусиный пух. И только завязки сделаны из выделанных кишок нерпы. «Шея» декорирована не ложной, а бисерной вышивкой, техника шитья та же, популярна сегодня у всех коренных народов Камчатки. Цвета подобраны в соответствии с «утиной» темой с учетом традиционных алеутских предпочтений; горизонтальная и вертикальная направленность швов соответствуют таковым в «шапке Гребницкого». На многих алеутских деревянных козырьках и одной

Ри. 49. Реконструкция командорской шапки в современных материалах, 2019 г.

кожаной (МАЭ 313–68), присутствуют так называемые «уши», обычно они отмечены круглым или овальным орнаментом. Этот элемент также был включен в реконструкцию и вышит бисером по принципу камчатского *йг'илгын*.

При соединении деталей использованы четыре типа швов, два из которых являются общеизвестными, а два – алеутскими. Эти швы одновременно практичны и декоративны. Чтобы подчеркнуть своеобразие и аттрактивность алеутского рукоделия, швы идут по лицевой стороне изделия. В каждой паре нитей одна – терракотовая, вторая – индиго.

Следующее изделие планируется сшить по форме МАЭ 4104–9, используя для тульи котиковый мех. Отдельное исследование будет посвящено реконструкции алеутской «ложной вышивки».

Птицы в быту алеутов

Алеуты Командорских островов добывали в промысловых масштабах только морских колониальных птиц: топорков *(Lunda cirrhata)*, кайр, или ар *(Uria aalge inornata* и *U. lomvia arra)*, бакланов, или урилов *(Phalacrocorax pelagicus* и *Ph. urile)*, серокрылых чаек *(Larus glaucescens)* и глупышей *(Fulmaru sglacialis rodgersii)*. Прежде список дополнял очковый баклан *(Ph. perspicillatus)*, вид вымер к середине XIX в. после 30 лет интенсивной охоты (процесс могли ускорить климатические

изменения и орнитозы). Добыча других птиц, в том числе ипаток *(Fratercula corniculata)*, производилась в зна-чительно меньшем объеме.

Поздней осенью и зимой охотились на куропаток: в недалеком прошлом почти каждый, включая женщин, мог сбить птицу обыкновенной палкой или камнем[96]. Но в XIX в. мясо куропаток ели не все, некоторые считали его вредной пищей. К «несъедобным» относили всех бекасовых, не исключая кроншнепа. Благородных гусей алеуты также предпочитали продавать за солидное вознаграждение. К примеру, 17/29 мая 1895 г. управляющему предложили купить гуся за 2 рубля и бутылку водки[97]. В 1910 г. многие беринговцы брезгливо относились к мясу курицы[98]. Приоритеты изменил голод 1915–1925 гг. С приходом советской власти командорские алеуты стали практиковать одомашнивание: по рассказам Е. Г. Поповой, летом при помощи чируча или силков отлавливали куропаток, подрезали им крылья и держали возле дома. Или подкладывали яйца курицам-несушкам: подросшие птенцы покидали приемную мать и питались самостоятельно (насекомыми, семенами и ягодами), но держались неподалеку[99].

Мясо и яйца птиц являлись сезонной пищей, восполнявшей недостаток витаминов и микроэлементов, а в XIX в. – основным ранневесенним продуктом питания. В бытность свт. Иннокентия для восточных алеутов январь и февраль был *Anulgilaχ*, от *anulgiχ* – «баклан» (на Командорах птицу называют *аагайуух*)[100]. В эти месяцы бакланов ловили сетями и, очевидно, сыровали.

На Командорах традиция есть птицу без термической обработки могла сохраняться до 1920-х гг. – этому способствовали цинга и дефицит топлива. В благополучных 1870-х гг. мужчины ели сырым мясо бакланов, кайр, топорков, чаек, реже – уток, а также очищенные кишки бакланов и кайр. Из женщин очень немногие сыровали чаек, в отличие от мужчин, они не признавали даже жареной птицы, зато в вареном виде любили все и всегда[101]. До наших дней дошел алеутский кровяной суп-«забулташка», считавшийся лекарством от всех недугов. Медновцы предпочитали молодых глупышей: *«Ощипываешь их, как цыплят, даже опаливать не надо, они нежнее, чем курица, и вкуснее»*, – рас-

[96] Барабаш, 1937, с. 69–70.
[97] Гребницкий, 1882, с. 124; СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[98] Суворов, 1912, с. 40.
[99] ПМА: В. Т. Тимошенко, 17.11.2010, 23.09.2016, птиц выращивали в семье С. А. Сушкова, деда рассказчицы.
[100] Вениаминов, 1840, II, с. 238; Bergsland, 1994, p. 81, 326.
[101] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 40об.

сказывала Т. С. Григорьева. В начале осени их запекали, а избыток вытопившегося жира заливали в подходящие емкости на зиму. До середины XX в. засаливали мясо: на о. Медном – глупышей и кайр[102], на о. Беринга – топорков и чаек.

В голодные зимы начала XX в. ловили прилетевших «снегирей» (на территории Атхинского отдела пуночек называли *мađугаағиҳ (maadugaaĝiҳ)*[103], но слово вышло из употребления). Бульон из маленьких птичек считался лучшим лекарством для младенцев. О такой «охоте» рассказывали Е. Г. Попова (1904–1988, о. Медный) и В. М. Кияйкина (1924–2015, о. Беринга).

Установка силков напоминает историю, рассказанную лисьевским алеутом И. Суворовым о других воробьиных, чаще встречающихся на восточных островах: *«Aliĝyaax убил всех родственников жены и жителей деревни и ушел к другой женщине. Его жена и двое сыновей голодали и собирали бурые водоросли на берегу. Затем мальчики увидели много маленьких птиц. Не зная их, они стали расспрашивать мать. Она сказала: "Ваши родственники, дяди по материнской линии, деды и прадеды называли uxuluĝasin*[104] *и добывали силками". "Мама, если бы у нас было то, о чем ты говоришь, мы могли бы убить нескольких и съесть вместе с тобой"», – сказал сын.*

Рис. 50. Американский вьюрок (фото Ю. Б. Артюхина)

Она подняла глаза и под потолком увидела несколько силков. Сыновья взяли их и пошли [ловить птиц], много их набили и к вечеру принесли их матери. Мать поспешила снять шкурки и вычистить их. Мясо она сварила и накормила себя и детей, а из шкурок сделала, оказывается, своим мальчикам птичьи парки»[105] (1910 г., о. Умнак).

[102] Гребницкий, 1882, с. 72, 124.
[103] Bergsland, 1994, p. 271.
[104] Американский вьюрок, *Leucosticte tephrocotis* (Bergsland, 1994, p. 437).
[105] Jochelcon, 1990, с. 434–435.

Рассказ о маленькой птичке и большой белой мухе

У алеутов и других народов Северной Пацифики некоторые птицы, прежде всего утиные, выступали в роли охранителей. Других, в том числе куропаток, бакланов, чаек, считали дурными вестниками. Если бакланы появлялись на Командорах в пределах села или, того хуже, садились на крышу дома, их старались убить. В пищу мясо таких птиц не использовали. На о. Медном поверье бытовало вплоть до закрытия села в 1970 г.

На маленьких птичек (подорожников, пуночек, вьюрков) запрет не распространялся. Они считались временными вместилищами души, или проводниками в мир мертвых.

Весной 1878 г. управляющий Николай Гребницкий стал свидетелем печального события. 4/16 марта беринговская креолка Фекла (ок. 1856 г.р.), жена Ивана Панькова (ок. 1852 г.р.) случайно задавила во сне своего 3-месячного сына. В те годы такое случалось нередко.

Молодые жили в бараборе Лаврентия, старшего брата мужа. В 1870-х больше половины Гаванского селения (будущего села Никольского) состояла из тесных полуземлянок с боковым тамбуром. Аслан-беков сравнивал их с собачьими норами:

Рис. 51. Пуночка (фото Ю. Б. Артюхина)

«<…> с трудом войдешь в это помещение, куда едва достигает солнечный свет и при том сыро, холодно, грязно»[106]. Строить американские каркасные дома только начинали (некоторые из них сохранились до наших дней). В 1881 г. на 25 домов приходилось 30 барабор, от них планировали избавиться к 1885 г. Тогда же, в 1878-м,

[106] ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 763. Л. 12.

в одной юрташке ютились Лаврентий с женой и двумя детьми, Иван с Феклой, их малыш и еще 3-летний Ананий Яковлев, воспитанник Ивана.

Незадолго до несчастья духи посылали предупреждения: малыша, спавшего в подвешенной к потолку люльке, несколько раз находили на полу – распеленатого, но без ушибов. И вот случилось несчастье. Алеуты сидели рядом, прощаясь с мертвым младенцем, и вдруг заметили, как к тельцу *«прилетела большая белая муха, села на край люльки, посмотрела туда, потом посмотрела на кровать, на которой был задавлен ребенок, села на лоб покойника, превратилась в птичку и мгновенно скрылась, чирикнув»*. Поскольку в этой юрте при подобных обстоятельствах погиб уже второй ребенок, члены семьи и односельчане обвинили в произошедшем злых духов, а жилище признали нечистым[107].

Вскоре Иван с Феклой и Ананием переехали в новый просторный деревянный дом[108]. Своих детей у них больше не было. Ананий же вырос и переехал на Медный. Сегодня в Никольском живут его внук, правнуки и праправнуки.

На обоих островах заготавливали перья и пух: на Медном – глупышей, на Беринга – чаек[109]. Глупышиный пух собирали с мая по июнь, ощипывая птиц, пойманных на еду. Им набивали подушки и перины. Изделия получались мягкими, с великолепной термоизоляцией, но имели характерный устойчивый запах. Рассказывали, что фельдшер о. Медного придумал рецепт, как от него избавиться, но со временем запах все равно вернулся[110]. Во времена РАК лучшим считался пух «пестряка»[111], но на Командорах его не собирали из-за больших трудозатрат.

Лоскуты с шеи бакланов шли на отделку и украшения. Перья брачного наряда использовали для декорирования парок, камлеек, плетеных и шитых сумочек, шапок, кисетов и т.д. Белые перышки, появляющиеся на шее птицы в апреле-мае, были популярны благодаря своей гибкости и износостойкости. Топорковые «косицы» брали реже (они украшают кожаную шапку МАЭ 313–68; Дыбовский утверждал, что ими декорирована одна из собранных им плетеных корзин[112], но при ближайшем рассмотрении это оказались

[107] СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 12об.–13.
[108] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 295. Л. 44.
[109] ПМА: М. С. Кузнецова, 27.09.2016.
[110] Барабаш, 1934, с. 66.
[111] Вениаминов, 1840, II, с. 399.
[112] Katalog wystawy etnograficzej ..., 1885.

перышки баклана). Сохранились изделия с перьями ворона (МЭК 18975 и 18976) и чайки (МАЭ 313–70). Расщепленные красные перышки небольших птиц выполняли роль оберега (МАЭ 2868–23, Лисьи о-ва, XVIII в.). Упоминаний об использовании на Командорах орлиных шкур и перьев не сохранилось, хотя белоголовые орланы там гнездились.

В XVIII в. кости крыла чаек и альбатросов шли на изготовление игл для шитья[113]. Для этих целей подходит лучевая кость, в то время как из плечевой можно делать игольницы по корякскому типу. На Ближних островах из прочных птичьих костей вырезали обоюдоострые «кляпышки» для ловли терпугов; на Камчатке крючки рыболовных снастей делали из костей чайки[114]. Из киля получается удобная походная ложка.

Зобики куропаток шли на детские игрушки. Была популярна погремушка «сонхох»: зоб с фрагментами пищевода вырезали, надували и подсушивали. Внутри образовавшегося шарика шелестели черные ягоды шикши и бордовые брусники[115]. А С. С. Григорьев сделал для своих детей игрушку из чучела куропатки и высушенных зобиков: когда птицу дергали за ножку, казалось, что она двигается вместе со своими «цыплятами»[116]. Все мальчишки 1940–1950-х гг. умели делать свистки из топорковых клювов.

[113] Этнографические материалы ..., 1978: Биллингс, с. 47; Мерк, с. 64; Вениаминов, 1840, II, с. 239–240.
[114] Стеллер, 2011, с. 133.
[115] ХКМ: Юлия Будакова, 19.12.1929; ПМА: В. Т. Тимошенко, окт. 2006; Д. С. Березин, окт. 2006.
[116] ПМА: Е. С. Климова, 31.01.2008.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работая над уникальным проектом, никто не мог предположить, что 2020-й окажется таким непростым годом. Любая подобная работа завершается яркой презентацией. А в нашем случае, прежде чем установить кукол в экспозиционном зале заповедника, хотелось провести серию выставок на Камчатке и, возможно, за ее пределами. Но пандемия COVID-19 внесла свои коррективы. Предпринятые эпидемиологические меры заставили отказаться от проведения массовых мероприятий. Пришлось перейти в «цифровой формат».

На Камчатке наши партнеры, краевая библиотека (ККНБ) и краевой объединенный музей (ККОМ) отсняли два близких, но не идентичных видеосюжета: первый – рассчитанный на широкую публику, второй – более специализированный, рассказывающий об изучении и реконструкции музейных предметов. Лекция в трех частях «Портретные куклы: Алеут и Алеутка» была размещена на сайте ККНБ 2 июля (музей планирует завершить работу осенью). Сюжет смотрели во многих городах России и за рубежом. Он понравился зрителям. Многие, в том числе коренные национальные общины, просили продолжить серию.

Идея демонстрации особенностей национальной культуры посредством портретных кукол нашла живой отклик. Для полуострова она не нова – многие куклы, рождающиеся в руках камчатских масте-

риц, не просто одеты в традиционные одежды. В их облике запечатлены черты конкретных людей. Хороша каждая из таких работ, у каждой своя «изюминка». Отличительной чертой нашего проекта стала академичность, аргументированный подход при принятии каждого, даже самого незначительного, решения. Этим он заинтересовал библиотеку и другие учреждения культуры.

Меж тем, Алеут и Алеутка завершают свой долгий путь на «историческую родину». В скором времени они займут почетное место в зале «Природопользование» визит-центра заповедника «Командорский». Их дом – остров Беринга, Командоры. А отдел сохранения историко-культурного наследия продолжит исследовательские работы и еще не раз порадует зрителей интересными экспонатами и удивительными находками.

Рис. 52. Американский вьюрок (фото Ю. Б. Артюхина)

Список источников

1. Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост. С. А. Корсун, отв. ред. Ю. Е. Березкин. – СПб. : Наука, 2014. – 384 с.
2. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. – М. ; Новосибирск : Наука, 2000. – 768 с.
3. Атлас к полному собранию ученых путешествий по России. Ч. 1. Тетрадь 1. – СПб., между 1818 и 1825 гг. – 12 л. (РГБ).
4. *Барабаш-Никифоров И. И.* В стране ветров и туманов. – М. ; Л. : Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1934. – 92 с.
5. *Он же.* Каланы, котики, голубые песцы. – М. ; Л. : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1937. – 96 с.
6. *Барабаш-Никифоров И. И., Мараков С. В., Николаев А. М.* Калан (Морская выдра). – Л. : Наука, 1968. – 184 с.
7. *Беклемишев Н. Н.* О Командорских островах и котиковом промысле: Лекции, читанныя в морском собрании и морском музее Мичманом Беклемишевым. – СПб. : Типогр. Морскаго Министерства, 1884. – 58 с.
8. *Бондарева Н. А.* Семь недель на Командорах. – Петропавловск-Камчатский : Дальневост. книжн. изд-во, 1966. – 52 с.
9. *Вахрин С. И., Татаренкова Н. А.* Русская Америка. Режим доступа: http://docplayer.ru/45075378-Tatarenkovu-odnogo-iz-krupneyshih-specialistov-po-istorii-familiy-korennyh-zhiteley-komandorskih.html (18.04.2018, на правах рукописи).
10. *Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. – СПб. : Императорская Российская Академия, 1840. – 409 с.
11. *Он же.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. III. Записки об Атхинских алеутах и Колошах. Прибавление к Запискам об островах Уналашкинскаго отдела. – СПб. : Императорская Российская Академия, 1840. – 134 с.
12. *Он же.* Опыт грамматики алеутско-лисьевскаго языка: Священника И. Вениаминова, в Уналашке. – СПб. : Типогр. Императорской Академии наук, 1846. – 120 с.
13. *Володарская Е. Е.* Коллекция предметов по этнографии Командорских алеутов из собрания Камчатского областного краеведческого музея (конец XIX века) // Краеведческие записки Камчатского областного крае-

ведческого музея. Вып. 12. – Петропавловск-Камчатский, 2002. – С. 171–196.
14. *Волошинов Н. А.* Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба Подполковника Волошинова в 1884–1885 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 16. – СПб. : Военная типография, в здании Главного Штаба, 1887. – С. 160–295.
15. *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / С изд. 1799 г. с испр. и доп. – СПб. : Русская симфония, 2005. – 816 с.
16. *Головко Е. В.* Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. СПб. : Просвещение, 1994. – 320 с.
17. *Горбачева В. В., Ляпунова Р. Г.* Головные уборы алеутов в собрании ГМЭ // Культура народов Америки: Сборник МАЭ АН СССР. Т. XL. – Л. : Наука, 1985. – С. 50–58.
18. *Гребницкий Н. А.* Записка о Командорских островах // Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 3. Вып. 2. – Иркутск : Типогр. Н. Н. Синицына, 1882. – С. 43–125.
19. *Он же.* Командорские острова. – СПб. : Типогр. В. Ф. Киршбаума, 1902. – 41 с.
20. *Он же.* О современном положении боброваго промысла // Вестник рыбопромышленности: Орган Императорскаго Российскаго Общества Рыбоводства и Рыболовства. Т. IX. Вып. 4. – 1894. – С. 241–253.
21. *Дыбовский Б.* Каталог этнографической выставки «Камчатка и Командорские острова» (Коллекция доктора Бенедикта Дыбовского) / пер. с польск., вступит. слово и научн. коммент. Н. А. Татаренковой // Вопросы географии Камчатки. Вып. 15. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. – С. 43–63.
22. *Зубкова Э.* Легенда о бессмертной любви // Алеутская звезда. – Никольское. – № 23. – 1966. – 20 марта. – С. 2.
23. Иркутский областной краеведческий музей. – Иркутск : ООО «Артиздат», 2003. – 168 с.
24. Каталог особо ценных единиц хранения государственных и муниципальных музеев Камчатского края. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во «Камчатпресс», 2010. – 302 с. (электронная версия).

25. *Корсун С. А.* Американистика в Кунсткамере: собиратели, экспедиции, коллекции / отв. ред. Ю. Е. Березкин — СПб. : МАЭ РАН, 2019. – 512 с.
26. *Корсун С. А.* Полевые материалы по алеутам Командорских островов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12. – СПб. : МАЭ РАН, 2012. – С. 201–222.
27. *Крашенинников С. П.* Описание Земли Камчатки. Т. 1 / Репринт 1755 г. – СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1994. – 438 с.
28. *Кулагин К. В.* Алеуты // Экономическая жизнь Дальнего Востока. № 6–7. – Хабаровск : Далькрайисполком, 1927. – С. 190–201.
29. *Кулагина Л. И.* Остров Беринга (из отчета) // Записки Владивостокского отдела Гос. РГО. Т. 1 (XVII). – Владивосток : Издание Владивостокского Отдела Гос. РГО, 1928. – С. 97–104.
30. *Лех С. М.* Некоторыя наблюдения о морском бобре, водящемся у о. Меднаго Командорских островов // Записки Общества изучения Амурскаго края. Т. 10. – Владивосток : Типогр. Торгово-Промышл. Вестн. Д. В., 1907. – С. 1–37.
31. Люди рассвета: Каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / сост. М. В. Осипова. – Хабаровск : АО «Хабаровская краевая типография», 2017. – 360 с.
32. *Ляпунова Р. Г.* К этнической истории Командорских алеутов // Краеведческие записки. Вып. 6. – Петропавловск-Камчатский : Дальневост. книжн. изд-во, 1989. – С. 40–61.
33. *Он же.* Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII – первая половина XIX вв.). – Л. : Наука, 1975. – 200 с.
34. *Меновщиков Г. А.* Алеутско-русский словарь. – Томск : Томский гос. педагогич. ин-т, 1977. – С. 137–198.
35. Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное / Каталог выставки. – М. ; Анадырь : Департамент культуры, спорта, туризма и информационной политики Чукотского АО РФ, Гос. музей Востока, 2007. – 216 с.
36. *Нилов В. Н.* Народное хореографическое искусство Командорских алеутов. – М. : МГУКИ, 1999. – 185 с.
37. *Редько Б. А.* Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. – Хабаровск ; Владивосток : Общ-во «Книжное Дело», 1927. – С. 69–112.
38. *Сергеев М. А.* Советские острова Тихого океана. – Л. : Соцэкгиз, 1938. – 282 с.
39. Сокровища Кунсткамеры. Алеуты: какими их увидел В. Иохельсон / сост. С. А. Корсун, Н. Ч. Таксами, Н. В. Ушаков. – СПб. : МАЭ РАН, 2001. – 100 с.

40. *[Стеллер Г. В.]* Описание Земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский : ХК «Новая книга», 2011. – С. 13–405.
41. *Суворов Е. К.* Командорские острова и пушной промысел на них. – СПб. : Г.У.З. и З. Департамент Земледелия, типогр. В. Ф. Киршбаума,1912. – 324 с.
42. *Татаренкова Н. А.* Алеутская шапка «шалигу»// Многоликая Камчатка. № 9. – М. : ТДДС-СТОЛИЦА-8, 2019. – С. 58–62.
43. *Она же.* Бубны командорских алеутов // Девятые Гродековские чтения. Матер. межрегион. научно-практич. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны в России. Т. III. – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2018. – С. 183–188.
44. *Она же.* Генеалогия и биографии командорских алеутов // «Гордиться славою своих предков». Матер. XXXVI Крашенинниковских чтений / ККНБ им. С. П. Крашенинникова, 2020.
45. *Она же.* Добыча птиц алеутами Командорских островов // IV Всерос. НПК «Комплексные исследования островных и прибрежных обществ Тихого океана: «Люди моря: история, культура, адаптация». – Владивосток. В печати.
46. *Она же.* Ихчикаличим // Многоликая Камчатка. № 8. – М. : ТДДС-СТОЛИЦА-8, 2018. – С. 50–55.
47. *Она же.* Трансформация сюжета о превращении в морских бобров в фольклоре командорских алеутов // Россия и АТР. № 4. – Владивосток, 2019. – С. 75–90.
48. *[Хлебников К. Т.]* Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. – Л. : Наука, 1979. – 280 с.
49. *[Черепанов С.]* Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759–1762 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. – М. : ОГИЗ, 1948. – С. 113–120.
50. *[Шелихов Г.]* Российскаго купца именитаго Рыльскаго гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам <…>. С Географическим чертежем, со изображением самаго мореходца и найденных им диких людей. Ч. 1. – Град Св. Петра : Иждивением В. С., 1793. – 172 с.
51. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / сост. и пер. рукописи К. Мерка З. Д. Титова; под ред. И. С. Вдовина. – Магадан : Магаданск. книжн. изд-во, 1978. – 176 с.

52. SI. Alaska Native Collections. URL: https://alaska.si.edu/record.asp?id=213.
53. SIA. Leonard Stejneger Papers, 1867–1943.
54. NMNH. Dr. Leonard H. Stejneger. URL: https://collections.si.edu/search/results.htm?q=%22Dr.+Leonhard+H.+Stejneger%22
55. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год // АРГО. Р. 60. Оп. 1. № 2.
56. *Асланбеков.* Докладная записка командующего отрядом судов в Тихом океане об осмотре тюрем о. Сахалин и Командорских островов // ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 763.
57. МЭК. Сибирская коллекция – новый взгляд. URL: https://etnomuzeum.eu/ru/siberia/kolliektsiia.
58. Атлас видов Камчатских и Алеутских островов // РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Ед. хр. 702.
59. Атлас Путешествие капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану под начальством капитана Биллингса с 1785 по 1793 г. // РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Ед.хр. 705.
60. *Савич К. И.* Отчет по командировке в 1893 г. На Командорские о-ва причисленного к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов Константина Савича // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 262.
61. *Гребницкий А. Н.* Тетрадь с заметками о острове Беринг (1877–1881) // СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5.
62. *Bergsland K.* Aleut Dictionary. – Fairbanks, Alaska : Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. – 755 p.
63. *Black L. T.* Aleut Art. – Anchorage : Aleutian/Pribilof Association, 2003 (Copyright 1982). – 208 p.
64. *Coxe W.* Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. – London : Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1780. – 367 p.
65. *[Dybowski B. J.]* Katalog wystawy etnograficzej Kamczatki i wysp Komandorskich (Zbiory Dr. Benedykta Dybowskiego). – Lwow : I. Związkowa drukarnia, 1885. – 20 s.
66. *Dybowski B. J.* Wyspy Komandorskie. – Lwow : Z I. Związkowéj drukarni we Lwowie, 1885. – 104 s.
67. *Fitzhugh W., Crowell A.* Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska. – Washington : Smithsonian Institution Press, 1988. – 360 p.

68. *[Jochelcon W.]* Aleut Tales and Narratives (Unanam Ungiikangin kayux Tunusangin), collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland, D. Moses. – Fairbanks : Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1990. – 715 p.
69. *Pauly G.-T.* Description ethnographique des peuples de la Russie. Publie a L'occasion du jubile millenaire de I'Empire de Russie. – Saint-Petersbourg : Imprimerie de F. Bellizard, 1862. – 310 p.
70. *Stanyukovich A. K., Chernosvitov P. Y.* Investigation of the Earliest Settlement with Stone Tools on the Commander Islands // Arctic anthropology. Vol. 31. No. 2. – 1994. – P. 45–56.
71. *[Steller G. W.]* De Bestiis Marinis or, The Beasts of the Sea (1751) / Transl. by W. Miller and J. E. Miller. – Lincoln, Nebraska : University of Nebraska-Lincoln, 2005. – 89 p.
72. *Stejneger L.* Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Blätter. Band VIII. Heft 3. – Bremen, Deutschland : Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885. – S. 225–273.
73. Unugulux tunusangin. Oldtime stories / Ed. and intr. by R. Hudson. – Unalaska : Unalaska City School District, 1992. – 240 p.

Список сокращений

АКМ – Алеутский краеведческий музей (с. Никольское, о. Беринга), инвентарные номера с аббревиатурой АКМГИ

АКЦ – Алеутский культурный центр (с. Никольское, о. Беринга)

АРГО – Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей (Иркутск)

ККНБ – Камчатская краевая научная библиотека им. Крашенинникова (Петропавловск-Камчатский)

ККОМ – Камчатский краевой объединенный музей (Петропавловск-Камчатский), инвентарные номера с аббревиатурой ККМГИ, КОКМОФ

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Кунсткамера (Санкт-Петербург)

МЭК – Музей этнографии им. Северина Удзели (Краков, Польша)

ПМА – полевые материалы автора

РАК – Российско-Американская компания

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток)

РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ХКМ – Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова (Хабаровск), инвентарные номера с аббревиатурой ХКМКП, ХКМВХ

NMAI – National Museum of the American Indian (Вашингтон)

SI – Smithsonian Institution (Вашингтон)

SIA – Smithsonian Institution Archives (Вашингтон)

NMNH – Smithsonian National Museum of Natural History (Вашингтон)

Содержание

Вступление 3
Кратко о заселении Командорских островов 5
Рождение образа 11
Екатерина Шардакова 13
Процесс создания 15
Неосуществимая задумка – птичья парка 16
Окончательное решение 19
«Алеутка»: знатная невеста 22
Платье и обувь 23
Силиитиҳ 25
Праздник Қаҕанаҕаҳ 27
«Алеут»: завидный жених 31
Камлейка, лафтасны и рубаха 34
Торбаса и бродни 39
Шапка ворона 44
Бобровый промысел 48
Бобровая «стрелка» и метательная дощечка 52
Романтика и трагизм молодой пары 57
«Легенда о бессмертной любви» в изложении Э. Зубковой 60
Песня сватовства «Йагнанасим асхинуҕан» 61
За кадром: технические решения 63
Реконструкция бобровой «стрелки»
и метательной дощечки И. П. Вьюевым 64
Алеутский шов и алеутская нить 67
Возможное дополнение экспозиции – шапка салигуҳ 70
Шапки, сшитые из птиц 72
Пеганка, пестряк и гагара 74
Реконструкция шапки салигуҳ 76
Птицы в быту алеутов 79
Рассказ о маленькой птичке и большой белой мухе 82
Заключение 85
Список источников 87
Список сокращений 93
Содержание 94

Научно-популярное издание

Наталья Александровна Татаренкова

Возрождая традиции: портретные куклы Алеут и Алеутка

Корректор Е. Рыбаченко
Оригинал-макет А. Пантелеева

Подписано в печать 25.10.2020 г.
Формат 84×90/16. Усл. печ. л. 11,52.
Тираж 200 экз. Заказ № КП00–003301.

Издательство «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а,
www.kamchatpress.ru

ISBN 978-5-9610-0376-5